

Ж 548
«... о переименовании
города Петрограда в Ленинград.

Пусть открыт этот
крупнейший центр
пролетарской революции
навсегда будет связан
с именем величайшего
из вождей пролетариата
Владимира Ильича
Ульянова-Ленина...

26 января 1924 года.

Из постановления II съезда Советов Союза ССР

КОСТЕР

1 ЯНВАРЬ 1974

КОСТЕР

1
ЯНВАРЬ
1974

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1906 года
© „Костер“, 1974 г.

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ КАМЕНЬ ЛЕНИНА ЗНАЕТ...

Ровно пятьдесят лет назад — 26 января 1924 года — нашему городу было присвоено имя Ленина.

До этого бывшая столица бывшей Российской империи именовалась в разное время поразному: Санкт-Петербург, Петроград — это в официальных бумагах; Северная Пальмира, Петрополь — в тех случаях, когда хотели выразиться изысканно.

Петроградские рабочие называли свой город иначе: Питер.

В девятых годах прошлого века в официальном Петербурге и неофициальном Питере происходили события, которым суждено было через двадцать лет изменить облик всей России.

В Санкт-Петербургском университете сдал государственные экзамены по юридическому факультету уроженец города Симбирска Владимир Ильич Ульянов.

Почти одновременно в одном из петербургских сборников была опубликована революционная статья за подписью никому не известного К. Тулина. Сборник, правда, был тут же конфискован, но статью все же многие успели прочесть.

Тогда же молодой человек, который называл себя Стариком, создал в Петербурге революционную организацию под названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Наконец, на занятиях революционных подпольных рабочих кружков частым гостем стал молодой агитатор, которого слушали с уважением и пожилые и молодые рабочие и который называл себя то Федором Петровичем, то Николаем Петровичем.

Как мы уже догадались, этим человеком во всех случаях был Владимир Ильич Ленин, революционная деятельность которого началась в нашем городе.

Здесь, в Петербурге, под руководством Ленина были заложены основы большевистской партии.

Памятник В. И. Ленину на Болотной улице

Здесь, в Петрограде, под руководством Ленина свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Здесь было создано Советское правительство первого в мире государства пролетарской диктатуры, первого в мире государства рабочих и крестьян.

Вот почему после смерти Владимира Ильича Ленина питерские рабочие обратились с просьбой дать городу имя Ленина.

Памятник В. И. Ленину
у Финляндского вокзала

Если вам когда-нибудь доведется побывать в заводском музее Ленинградского завода «Красный выборжец», обратите внимание на редкие фотографии: в огромном пролете цеха стоит многометровая скульптура Ленина. Еще не убраны леса. Вероятно, скульптор не совсем закончил работу. А вот фотографии самого скульптора — он о чем-то разговаривает с рабочими.

Все мы знаем: продукция «Красного выборжеца» сегодня — различное сложное оборудование и станки. Что же делает в заводском цехе скульптор?

Фотографии были сделаны в 1924 году. В тот год на «Красном выборжеце» был получен необычный государственный заказ: изготовить в бронзолитейной мастерской завода скульптурные памятники Ленину и его верным соратникам Свердлову, Володарскому для разных городов Советского Союза. И для Ленинграда тоже.

Бронзолитейная мастерская стала скульптурной мастерской.

Не хватало бронзы — рабочие ленинградских заводов находили ее, переплавляя гильзы снарядов.

Не хватало инструментов — рабочие сами изготавливали необходимый инструмент.

Но почетный заказ был выполнен.

У Финляндского вокзала — там, где в апреле 1917 года вернувшегося из эмиграции Ленина встречали тысячи питерских рабочих, сейчас стоит известный всему миру памятник Ленину произносит речь с броневика.

Памятник этот был изготовлен рабочими «Красного выборжеца».

У главного фасада Смольного — штаба Октября стоит еще один памятник.

Этот памятник так же был изготовлен в бронзолитейной мастерской завода.

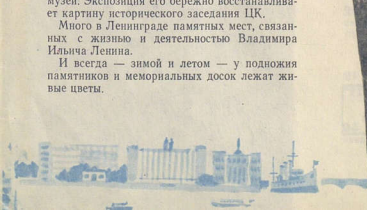
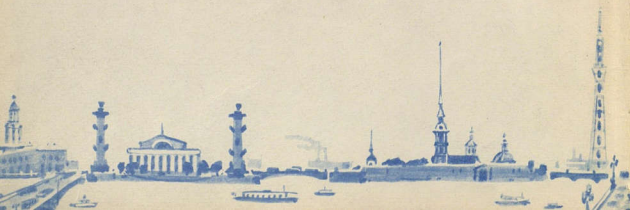
На Болотной улице в Ленинграде стоит небольшой двухэтажный деревянный дом. Здесь 16 октября 1917 года на расширенном заседании ЦК РСДРП (большевиков) был окончательно решен вопрос о вооруженном восстании.

Здесь был принят Ленинский план восстания. Был избран Военно-революционный центр ЦК по руководству восстанием.

Сейчас в доме на Болотной — мемориальный музей. Экспозиция его бережно восстанавливает картину исторического заседания ЦК.

Много в Ленинграде памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина.

И всегда — зимой и летом — у подножия памятников и мемориальных досок лежат живые цветы.

Ленинград салютовал 24 залпами из 324 орудий в честь полной ликвидации вражеской блокады — разгрома гитлеровцев под Ленинградом

ЛЕНИНГРАДСКИЙ САЛЮТ

О. Берггольц

...И снова мир с восторгом слышит салюта русского раскат.
О, это полной грудью дышит освобожденный Ленинград!

...Мы помним осень, сорок первый, прозрачный воздух тех ночей, когда, как плети, часто, мерно санстели бомбы палачей.

Но мы, смиряя страх и плач, твердили, диким взрывам внемля:
— Ты проиграл войну, палач, едва вступил на нашу землю!

А та зима... Ту зиму каждый запечатлел в душе навек,
— тот голод, тьму, ту злую жажду на берегах застывших рек.

Кто жертв не предал дорогих земле голодной ленинградской, — без бранных почестей, нагих, в одной большой траншее братской!.

Но позабыв, что значит плач, твердили мы сквозь смерть и муку:
— Ты проиграл войну, палач, едва занес на город руку! —

Какой же правдой ныне стало, какой грозой свершилось то, что иступленную мечтой, что бредом гордости казалось!

Так пусть же мир сегодня слышит салюта русского раскат.
Да, это истит, ликует, дышит победоносный Ленинград!

27 января 1944 года

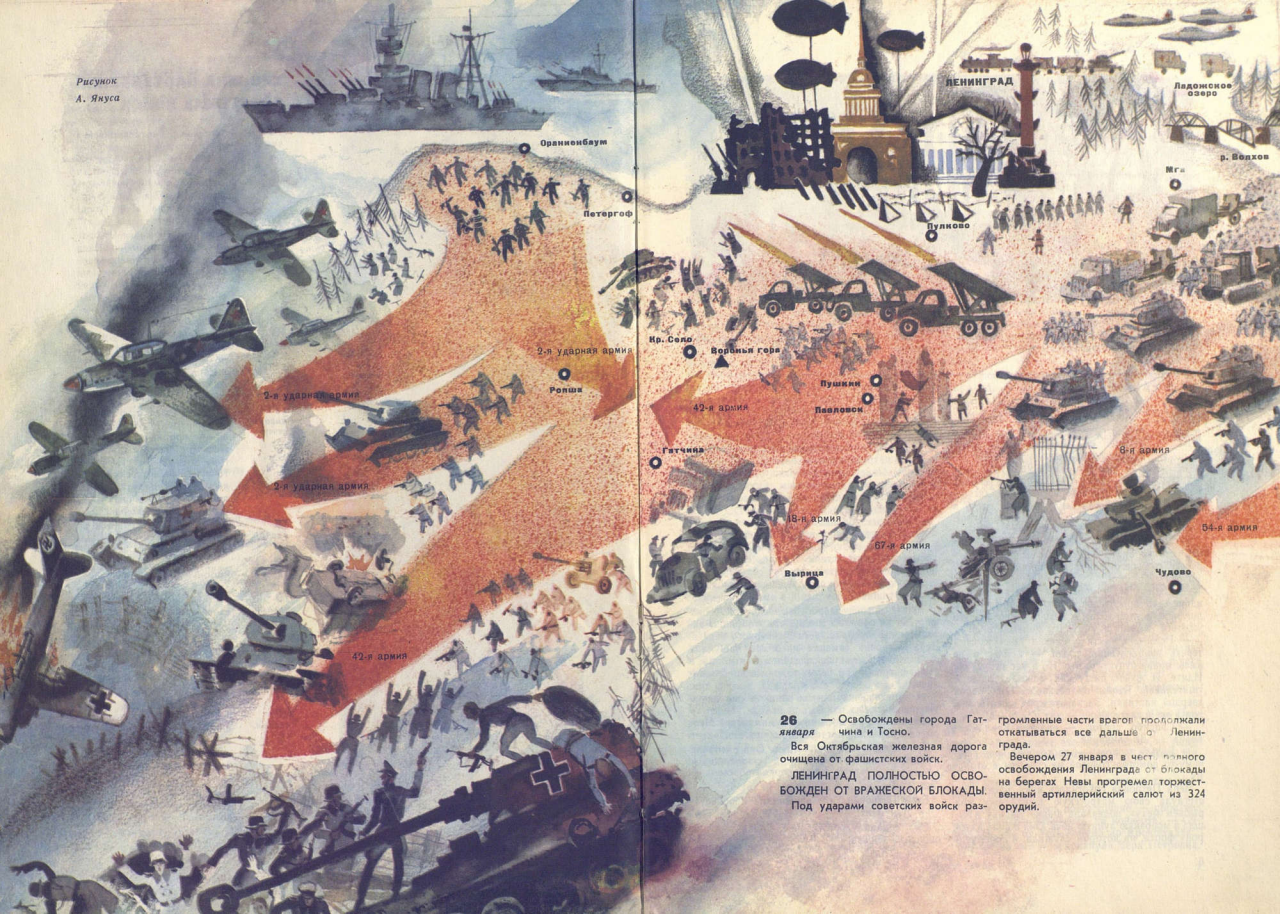
Литография
А. Ф. Пахолова
1944 год

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
художественная
литературная
библиотека
РСФСР

ХРОНИКА НАСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

- 14 января, утро** — Мощная артиллерийская подготовка в районе Ораниенбаума. На оборону врага обрушено 100 тысяч снарядов и мин. После артиллерийской подготовки 2-я ударная армия перешла в наступление на Ропшу.
- 15 января, утро** — В районе Пулковских высот проведена артиллерийская подготовка. Артиллерия армии и флота обрушила на позиции врага 220 тысяч снарядов. 42-я армия перешла в наступление.
- 15 января, поздний вечер** — Войска 42-й армии перерезали дорогу Красное Село — Пушкин. Весь день 2-я ударная армия ведет бои на ропшинском направлении.
- 17 января, вечер** — Главная полоса обороны врага перед центром 42-й армии прорвана. Начались жестокие бои за Воронью гору — самую высокую точку Ленинградской области. 2-я ударная армия продолжает бои на ропшинском направлении.
- 18 января** — Части 42-й армии продолжают штурмовать Воронью гору.
- 19 января, утро** — Воронья гора взята.
- 19 января, день** — Части 42-й армии штурмом взяли город Красное Село. Части 2-й ударной армии освободили Ропшу.
- 19 января, вечер** — В восьми километрах юго-западнее Красного Села соединились передовые части 42-й армии и 2-й ударной армии.
- 20 января, утро** — Войска обеих армий соединились в районе Ропши. Петергофско-стрельнинская группировка врага полностью окружена.
- 21 января** — Группировка противника уничтожена. Войсками Волховского фронта освобожден город Мга.
- 24 января** — Освобождены города Пушкин и Павловск.

26 — Освобождены города Гатчина и Тосно.

Вся Октябрьская железная дорога очищена от фашистских войск.

ЛЕНИНГРАД ПОЛНОСТЬЮ ОСВОБОЖДЕН ОТ ВРАЖЕСКОЙ БЛОКАДЫ.

Под ударами советских войск раз-

громленные части врагов продолжали откатываться все дальше от Ленинграда.

Вечером 27 января в честь полного освобождения Ленинграда от блокады на берегах Невы прогремел торжественный артиллерийский салют из 324 орудий.

ПОВЕСТЬ — БЫЛЬ

М. Плехина

Рисунки А. Сколзубова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ложились в госпиталь Вера Петровна отказалась наотрез. Она и раньше не любила болеть лежать, всегда переживала все свои недуги на ногах. А тут она подумала, что лечь в госпиталь, да еще не с какой-нибудь важной болезнью, а по причине истощения, дистрофии — это будет как бы похоже на сдачу в плен. Мол, руки вверх — больше я не воюю... Она требовала, чтобы ее отпустили в часть.

— Да еще на ночь глядя! — почти кричал на нее усталый врач. — Думаете, вы сейчас доберетесь до своего форта по сорокаградусному морозу?

— Доберусь! — крикнула она в ответ и вдруг тихо, просительно стала говорить: — Вы поймите, доктор. Если я лягу в госпиталь, это уже все. Конец. Я умру. Вы понимаете?

— Понимаю, — тихо сказал врач и стал тереть покрасневшие глаза. — Сейчас я не имею права отпустить вас. Но я вас отпускаю. Идите. И жуйте пишу как можно дольше и тщательней. Чтобы не оставалось ни одной твердой частички. Заставьте себя делать это, тогда вы спасетесь.

— Спасибо, доктор, — сказала Вера Петровна. — До свидания.

— Будьте здоровы, — проговорил врач и почему-то помотал головой из стороны в сторону.

Вера Петровна спустилась вниз, плотно застегнула свою матросскую шинелишку «на рыбьем меху», подвязала шапку-ушанку и вышла в морозную лунную ночь. Она пошла в сторону форта, на дорожку служила, и почему-то

казалось, что там ее ждут известия, от которых переменится жизнь...

На середине Бычьего поля ее остановил армейский патруль, спросил пароль, проверил документы. Пока снимала варежку, доставая удостоверение, замерзли пальцы. Сунула руки в карманы и поковыляла через поле к большим деревьям кладбища.

Покрытые колпаками снега кресты и надгробные памятники встали по обе стороны. От них было жутко. Вера Петровна то пыталась бежать, то останавливалась на минуту, прислушиваясь к колотящемуся сердцу. Пусто было вокруг. Только свистящее ее дыхание нарушало тишину.

Вдвург посреди дороги выросли три белые фигуры. Ее обожгла мысль, что это финны-автоматчики, перебравшиеся с северного берега. Вера Петровна замерла на месте, нащупала сзади кобур, вынула пистолет и дослала в ствол патрон... Три белых человека приближались.

— Стоять! — крикнули ей, хотя она давно уже не двигалась.

«Наши», — облегченно подумала Вера Петровна и спрятала пистолет в кобур.

Трое приблизились вплотную. Она смотрела на самого высокого, с добрым, широконосым лицом.

— Пароль!

Вера Петровна тихо произнесла пароль.

— Документ!

Она подала удостоверение. Голая рука не ощущала мороза.

«Наши, — повторяла про себя Вера Петровна. — Наши... Как хорошо...»

— Смелая девушка. Не могла до утра подождать?

Ей захотелось рассказать, как отправили ее сегодня в госпиталь после того, как она рухнула без сознания в казарме, как она убеждала врача отпустить ее на форт. Но разве можно вступать в посторонние разговоры с военным патрулем?

— Дела, товарищ...

Высокий улыбнулся, вытащил из ее кобуры пистолет, разрядил его и сунул обратно.

— Еще забудешь... Ну, ступай на свой форт! Дыхание ее выровнялось, кресты больше не пугали. Вера Петровна обернулась. Три белых человека стояли посреди дороги и смотрели ей вслед. Хорошо. И только теперь, когда совсем прошел страх, она почувствовала холод, грызущий ноги, обутые в тонкие валенки.

На днях инструктор политотдела рассказывал, как один коммунист, которого фашисты обливали на морозе холодной водой, вспоминал черноморские пляжи, воображал, что ему жарко, и, несмотря ни на что, выжил, а потом даже бежал из лагеря. Вера Петровна никогда не была на черноморских пляжах. Она стала вспоминать ленинградское лето, самый жаркий месяц июль. Но вспоминалась не жара, не петергофские улицы, не тачки с мороженым — сливочным мороженым в вафлях. Вспоминались запасные пути станции Ораниенбаум и товарный состав под парами. Простреленные, покаленные войной вагоны с вырванными досками. Сутолока, крик, плач младенцев. Вдоль состава — сундуки, котомки, лоханки, узлы, чемоданы. Вчера Михалке исполнилось десять лет, а сегодня он уезжает с бабушкой далеко в глубь страны, в Сибирь... В товарняке по возможности домовито устраивались семьи. Даже отгораживались друг от друга занавесочками. А мама с Михалкой примостились на полу у самых дверей. У мамы узел с бельем. В руках у Михалки сумка с учебниками для третьего класса. Больше никаких пожитков — времени на сборы не было.

К трем часам ночи, когда паровоз готов был тронуть состав, громыхнули залпы кронштадтских фортов. Тяжелые снаряды со свистом полетели в ту сторону, откуда двигалась к родному городу черная вражеская сила... Под грохот и багровые отблески взрывов пошел поезд. Вера Петровна на ходу выпрыгнула из теплушки...

Она очнулась от воспоминаний у приземистого железобетонного здания форта.

— Что это за такой Дед-Мороз? — Веселый часовой стряхнул с ее шапки гроздь инея. — Верочка? Ты же в госпитале!

— Отпустили, — сказала Вера Петровна. — Сказали, что еще могу воевать.

Часовой перестал улыбаться, сказал:

— Что у них там, глаз нету? Много ты, тощий воробей, навуюешь. Ладно, беги на камбуз. Там тебе дежурный что-нибудь отыщет...

Она поднялась в кубрик, тяжело ступая по бетонной лестнице. Скинула шинель и прижалась к теплому боку железной печки. Сперва зазнобило, потом холод стал выходить из нее мурашками. На камбуз, думала она, нет смысла идти. Какая там может быть пища в час ночи? Давно уже плита погашена. Сейчас снять валенки — и в койку... «Кто спит, тот обедает», — говорят французы...

Пришел дежурный с охапкой дров. Осторожно, чтобы не очень шуметь, не беспокоить спящих матросов, ссыпал искрящиеся льдом поленья на железный лист у печки.

— Савина? Тебя же в госпиталь отвели?

— Отвели, — кивнула Вера Петровна. — А обратно сама пришла.

— Так быстро вылечили?

— Витамин дали, — улыбнулась Вера Петровна. — Что тут новенького без меня случилось?

— Кое-что происходило, — задумался дежурный. — Да, кстати: про тебя начальник политотдела спрашивал.

— А что такое? — встрепелась Вера Петровна.

— Не знаю. Спрашивал только, где Савина. Зайди утром.

— Нет, сейчас отогреюсь и пойду, — сказала Вера Петровна.

— Да утром явишься! Сейчас он спит небось.

— Нет, нет. Сейчас пойду...

— Ну топай, если часовой пропустит.

Знакомый часовой штаба пропустил ее к начальнику политотдела. У двери кабинета она остановилась перевести дух. Приготовилась постучать, как дверь растворилась, и из кабинета вышли два командира. Она обрадовалась: значит, начальник политотдела не спит.

Зашла, доложила по уставу:

— Товарищ полковой комиссар, вольнонаемная Савина по вашему приказанию явилась!

— Какое приказание? — изумился начальник политотдела. — И как вы оказались в части? Вы же должны быть в госпитале!

— Отпустили, — сказала Вера Петровна.

— Может, сбежала?

— Да и так, и так, — улыбнулась Вера Петровна. — Уговорила.

— Ладно, может, это и к лучшему, — подумал вслух полковой комиссар. — Садитесь, Вера...

Он открыл ящик стола, нащупал там конверт и положил перед собой.

— Вот как теперь почте трудно, — произнес он, рассмотрев штемпель на конверте. — Сорок два дня от Усть-Ишима до Кронштада...

— От мамы? — вскрикнула Вера Петровна.

И лишь потом сообразила, что не может быть от мамы, раз письмо распечатано.

— Нет, не от мамы... От директора школы.

— Что-нибудь с Михалкой?

— Нет. С Михалкой все в общем благополучно. Спокойнее, Вера, вы же матрос, хоть и вольнонаемный...

— С мамой? — спросила она.

— Да. — Полковой комиссар сунул подбородок в воротник кителя. — Читайте.

Вера Петровна взяла конверт и вытащила из него листки письма.

«Часть семей кронштадтских моряков мы разместили по деревням Усть-Ишимского района, — заставила она себя читать. Но не могла подряд, выхватывала глазами из написанного отдельные, казавшиеся ей самыми важными фразы. — Бабушка и Миша Савины остались в районном центре Усть-Ишиме. Поселили их в доме библиотекаря... Миша учится хорошо, учителя на него не жалуются... В октябре райисполком мобилизовал население на погрузку картофеля для отправки в город Омск. Кроме женщин, стариков и подростков, мобилизовывать теперь некого. А работа эта тяжелая, мужская — от овощехранилища к барже нести на плечах мешок в три пуда. С берега на баржу по двум скользким трапам — ведь погода у нас в октябре какая: мокрый снег, слякоть... Грузили две недели подряд, даже когда стемнеет. Проекторы с барж освещали дорогу. Никто не роптал, не жаловался. Знали, что картошка нужна стране, фронту... Ольга Ивановна, потеряв на трапе равновесие, упала вместе с мешком в воду. Ее вытащили и сразу поместили в больницу, где она прежде работала санитаркой. Так что уход за ней был самый замечательный. Но никакие наши заботы не помогли. Случилось тяжелое воспаление легких. И вот она скончалась. Похоронили хорошо, с почетом и уважением, поставили обелиск. Но несчастный ребенок Миша остался совсем один. Я знаю от Миши, что его мать, Вера Петровна Савина, не служит на флоте, а работает в воинской части по вольному найму. Мальчик сейчас болен нервами, не может учиться. Он замкнулся, похудел так, что больно смотреть. Тоскует. Товарищ начальник политотдела! Я убедительно прошу Вас отпустить Веру Петровну Савину к сыну, чтобы с ребенком было хоть одно родное существо. Это ему поможет лучше всякого ле-

чения. Я чувствую, что иначе с Мишей Савиным может произойти несчастье...»

Вера Петровна прижала к глазам кашне. Услышала, как осторожно подошел начальник политотдела, забрал у нее с колен письмо.

Она вдруг подумала о том, что надо поехать в Сибирь, потом стала думать, что нельзя

ехать, потому что она на работе, на войне. Наверное, сотни и тысячи людей в таком же положении, как она, и они не просятся в эвакуацию, знают, что нужны для обороны...

— Практически вы нам сейчас не нужны, — сказал полковой комиссар. — Ну какая может быть польза от совершенно обессиленного работника?

— Вы меня обижаете, — произнесла Вера Петровна. — Кажется, я делала свое дело, справлялась.

— Делали, — согласился начальник политотдела. — До вчерашнего дня. А сегодня ваше дело уже выполнял другой человек. Из госпиталей вы ушли, а ведь врачи требовали, чтобы вы остались. Значит, за вами нужен уход. Значит, какие-то люди будут оторваны от дела, чтобы ухаживать за вами, помогать вам...

— Ничего подобного, — возмутилась Вера Петровна, — я прекрасно могу все делать сама...

— Это вы так думаете... — вздохнул полковой комиссар. — Отпускать-то я вас отпускаю, только перебраться через линию фронта придется своими силами. Чем я могу тут вам подействовать? Ничем... Город окружен, блокирован. Только самолеты еще иногда прорываются. Как вам это удастся, да еще в таком состоянии, когда вы едва передвигаете ноги... ума не приложу. Но попытайтесь. Нужные документы я вам выдам... Говорят, что благородная цель прибавляет сил. Когда человек знает, что обязан что-то сделать, от чего станет лучше жить другому человеку, он способен сдвинуть горы.

— Я попытаюсь, — машинально сказала Вера Петровна.

Какой толк от попыток, заранее обреченных на провал...

— У вас сложился уже какой-нибудь план?

— Нет... — Она стала мысленно перебирать

разные возможности. — Ничего не могу придумать... А что, если попробовать пробиться к Самохину?

— Генерал вас знает? — спросил начальник политотдела.

— Я как-то разговаривала с ним на партийном собрании военного округа... Надеюсь, что не забыл.

— Весьма шаткая надежда, — покачал головой полковой комиссар. — Со сколькими людьми ему приходится разговаривать! Впрочем, это единственная ваша возможность. Завтра выпишем вам документы и отправляйтесь. А сейчас передайте дежурному по роте мое приказание накормить вас.

Вера Петровна пришла в кубрик и, не беспокоя дежурного, скинула валенки, легла навзничь на застеленную койку. Так и пролежала с открытыми глазами под синей лампочкой всю ночь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром все уже узнали, что Вера Петровна уходит на Большую землю. Пока получала документы и сухой паек на два дня (пачку горюхового концентрата, галеты и селедку), товарищи писали письма. Она набила этими письмами карманы кителя, и никаких других вещей у нее не было, когда она выходила с двадцатью моряками из Цитадельских ворот Кронштадта на лед Финского залива.

Ветер гнал по небу ровные клочья туч, леденил лицо и забирался в рукав шинели. Но Вера Петровна убеждала себя, что ей совсем не холодно, что на улице тепло. И странное дело: идти по тропинке, протоптанной между нагромождениями льда, стало много легче.

Отряд растянулся длинной цепью. Вера Петровна шла в середине этой цепи, стараясь не отставать больше чем на полшага от широкой матросской спины, колышавшейся впереди нее. До станции Лисий Нос, что на северном берегу залива, надо было прошагать так пятнадцать километров. Вера Петровна говорила себе, что это совсем пустяки.

Но километры давались трудно, и к рассвету отряд одолел только половину расстояния. Зарозовели на южном берегу руины петергофских дворцов. Чуть затуманенные морозной дымкой, они были нежны, легки и прозрачны, как акварельный рисунок.

На чистом ледяном покрывале залива четко обозначилась теперь черная цепочка людей.

Первый немецкий снаряд упал метрах в ста от них. В небо взлетели изумрудные обломки льда, и над пробойной поднялся толстый водяной столб. И стало странно, что никто не ускорил шага, не побежал. Люди продолжали идти спокойно. Она и сама чувствовала себя

спокойно, хотя следующий снаряд упал ближе, а третий совсем рядом с людьми, засыпав их осколками льда, острыми и твердыми. Она оглянулась на красивый фонтан воды, споткнулась и упала. Шагавший сзади краснофлотец поднял ее за локти.

— Шагай, шагай, некогда отлеживаться, де-вушка!

С его скулы, рассеченной осколком льда, тянулось под воротник тонкая струйка потемневшей уже крови. Он улыбался.

Опять позади с треском обрушился снаряд. Кусок льда ударил ее в спину, сшиб с ног. Она с трудом поднялась, услышала крик:

— Там впереди женщина идет — не доктор?

Вера Петровна не была доктором и никогда не училась лечить людей, но она пошла назад, на крик.

На снегу лежал, вздрагивая, человек в командирской шинели, в шапке с поднявшимися наушниками, с лицом сплошь залитым кровью.

— Вы доктор? — спросил кто-то Веру Петровну.

— Да нет же, — сказала она и вытащила из-под шинели белое, вязаное мамой кашне. Только вчера утром она выстирала его и просушила на горячем боку печки.

Она опустилась на колени. Пухлая гарусная шерсть хорошо впитывала кровь. Командир дышал и стонал, но не приходил в сознание.

— Перевяжите скорее да пойдем, — сказали ей. — Нельзя на одном месте кучей.

Она перевязала лицо командира вязаным кашне, оставив открытыми рот и нос. Получилась аккуратная, плотная, сразу остановившая кровь, повязка. Два краснофлотца подняли раненого и понесли.

И вдруг грохнули густые залпы кронштадтских орудий. Серо-голубые всплески разрывов встали на южном берегу, в самом Петергофском парке, где окопались фашисты. Их пушки умолкли.

Был уже вечер, и снова искрились звезды в просветах облаков, когда она вышла на платформу станции Лисий Нос. Там стоял поезд. Вера Петровна протиснулась в тамбур вагона. Едва заметила, как тронулся поезд, задремала стоя, — в этой тесноте упасть оыло просто невозможно. Очнулась, когда толпа вынесла ее на перрон Финляндского вокзала.

Опять наступила ночь, и ей некуда было идти.

Она побрела в полумрак зала ожидания. Нашла щель между скамейками, протиснулась в нее, села и начала есть гороховый концентрат, разжевывая каждый кусочек до такой степени, что его можно было пропустить между зубами, как воду. Не съев и половины пачки, она почувствовала сытость, и очень этому удивилась. Положила недоеденный концентрат в карман шинели и тут же заснула чутким сном, слыша каждую сирену, каждый разрыв бомбы в городе, истерический плач детей и тихую ругань мужчин.

Через все эти страшные звуки войны ей грезилося неведомое сибирское село Усть-Ишим.

— Михалка, — говорила она во сне, — потерпи немножко, милый. Видишь, я уже еду к тебе...

Вера Петровна покинула вокзал еще затемно. Пока переходила длинный Литейный мост, наступил туманный рассвет и обнажил разваленные стены домов, открытые лестницы и квар-

тиры без передней стены, как в театральной декорации. Сорванное железо крыш свисало над тротуаром.

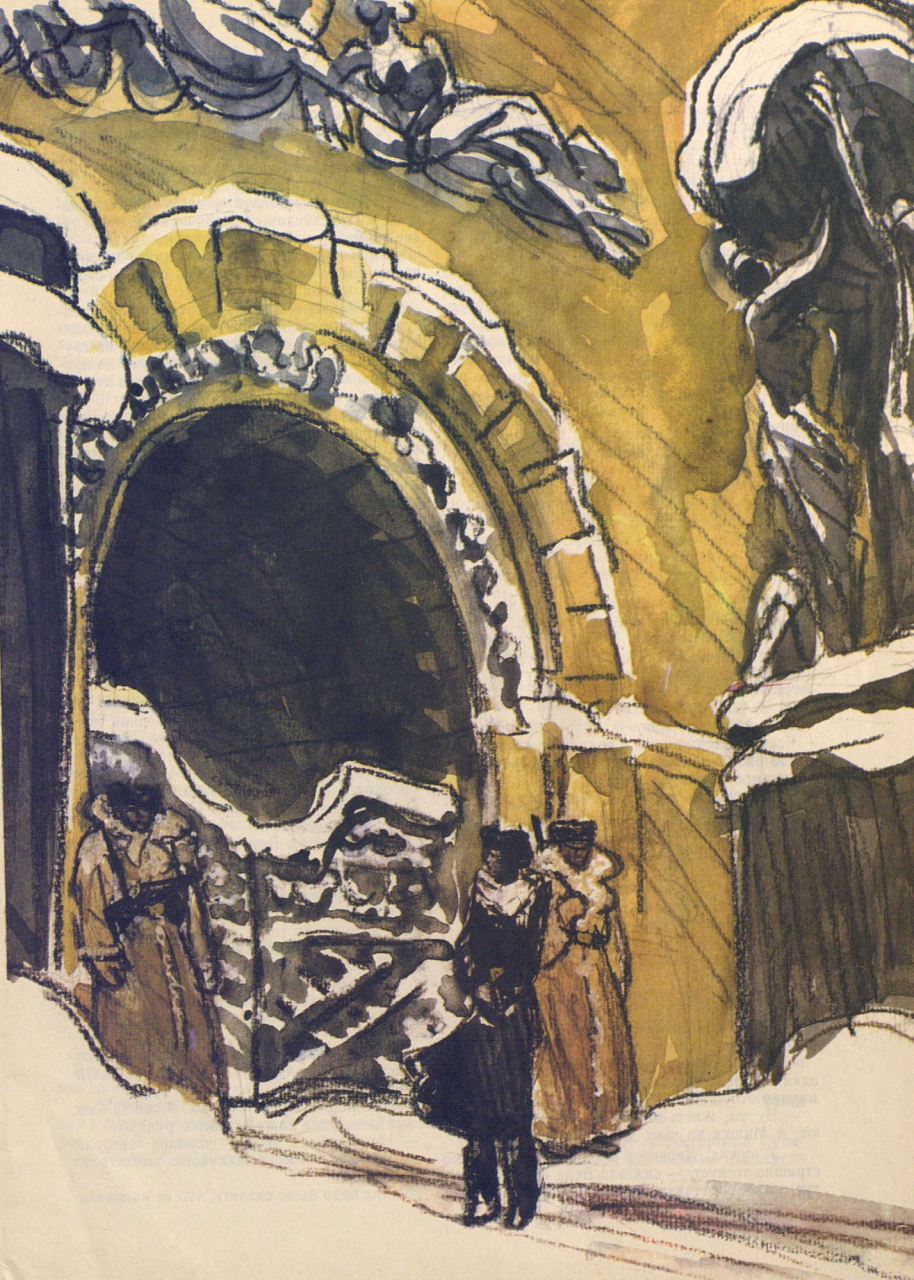
Шагать было трудно. Все болело в ней после ночи на вокзальном полу, и захотелось зайти в укрытое от ветра парадное, присесть, отдохнуть. «Нельзя мне отдыхать, — думала она, — отдыхать — это значит погибнуть и замерзнуть... А мне надо идти вперед, идти, пока я не дойду до конца, потому что, кроме меня, теперь нет родных у Михалки, а ему надо жить, ему надо вырасти хорошим, добрым и веселым человеком, который будет приносить всем вокруг только радость... А как же он вырастет веселым человеком, если его мама погибнет? Нет, мне надо идти вперед, надо переставлять ноги, даже если они отказываются двигаться...»

Ноги болели, ныли, упирались, но все-таки двигались и несли ее вперед. Совсем близко рванул снаряд. Вера Петровна зашла в парадное. Здесь была иллюзия тепла, потому что не было ветра, и она присела на ступеньку, оперлась о стойку перил. Теплая истома замутила сознание. Она как бы понеслась, закружившись, в неведомые дали, и увидела себя в ладной избушке с русской печкой, а на всех стенках висели полки с книгами, потому что, — она знала это, — хозяин избы был библиотекарем. Он, хозяин, старенький, в подвязанных веревочкой очках, сказал ей медоточивым голосом: «Михалка твой в школе, кончатся уроки, и он прибежит, только зачем же он прибежит, когда ты сидишь на лестнице и не едешь к нему?»

Спина соскользнула с железной стойки. Вера Петровна стукнулась головой о ступеньку и очнулась.

— Дура, безумная, замерзнуть хочешь — отругала она себя.

Со стоном разогнула скрипящие коленные суставы. Освободила левую руку от варежки и достала из нагрудного кармана кителя свой партийный билет. Между страницами лежала фотография. Восьмилетний еще Михалка глянул на нее широкими любопытными глазницами.

— Я опять иду, милый, — прошептала Вера Петровна. — Потерпи еще немного, потерпи...

Наконец, она добрела до Адмиралтейства, где располагался штаб авиации Краснознаменного Балтийского флота. Там, у центрального подъезда, застыли два рослых краснофлотца в длинных белых тулупах, с автоматами на груди. Вера Петровна подошла, с трудом разомкнула смерзшиеся губы:

— Товарищ, я к генерал-лейтенанту Самохину.

— Да ты кто такая? — косо глянул на нее один из часовых.

— Я из Кронштадта, по личному делу, — только и сумела ответить Вера Петровна.

У нее не хватило сил объяснить подробнее,

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ей послышался звонкий голос Михалки. Нет, он не звал ее. Он где-то бегал, играл, кричал что-то свое, очень важное, но совершенно непонятное взрослым людям. Вдруг она различила слова:

— Савина, очнись! Савина!

Она вскинула голову.

Человек стоял рядом и тряс ее за плечи. Как будто знакомо лицо этого человека, но никак не вспомнить, откуда знакомо.

— Вы кто? — спросила Вера Петровна.

— Ну у тебя и память! Впрямь девичья. Таллин, штаб ВВС, КБФ, вестовой командующего. Теперь вспомнила?

— Сороковой год, — проговорила Вера Петровна. — Ты Петя Бобров.

— Ну вот, — засмеялся Бобров. — Все на месте. А ты чего здесь?

— Не пускают, — сказала Вера Петровна.

— Куда не пускают?

— К Самохину.

— Это они правильно делают... Точнее говоря — по правилам... — Бобров задумался. — К генералу пройти не так просто, как некоторым кажется... А что у тебя?

— Мама умерла в Усть-Ишиме. Михалка один остался. Хочу поехать к нему. Меня командир отпустил.

— Эх ты, жисть-жестянка... И там умирают. А Мишка на чьих же руках остался?

— У чужих. Директор школы написал, что страшно тоскует, — сказала Вера Петровна, и тут наконец оттаяла, ожила, всхлипнула.

рассказать, попросить понастойчивее. Стало вдруг совершенно ясно, что никто ее не пропустит к генералу Самохину, что у генерала тысяча важных дел, от которых его нельзя отрывать.

— И думать не мочи! — веско молвил часовой. — Приспичило — по личному делу! В такое время...

Он распрямился и перестал даже смотреть на нее, будто она вдруг вовсе исчезла из системы мироздания.

Вера Петровна и вправду готова была исчезнуть, потому что где взять сил, чтобы упрашивать и убеждать часового с автоматом на груди? И незачем его беспокоить. Генерал не примет ее, а если примет, то выгонит после первых же слов, да еще наложит взыскание...

Вера Петровна сделала несколько шагов в сторону и прислонилась к обросшей иеом стене старого здания. Она не ощущала ни холода, ни голода, ни усталости. Заснеженная пустота простиралась вокруг, и Вере Петровне хотелось только одного: скорее слиться с этой пустотой, закрыть глаза и исчезнуть.

— Ну, попытаемся как-нибудь пособить ради старой дружбы... Сутрын! — повернулся Бобров к часовому. — Пропусти девушку в вестибюль.

Через полчаса стараниями Боброва она получила пропуск и пошла по мраморной лестнице, по длинным пустым коридорам. Держалась ближе к стене, как приучили ее обстрелы, а широкий коридор был совсем как улица.

Бобров уже ждал у приемной.

— Проходи сразу. Один. Повезло тебе, он редко бывает один.

И открыл перед Верой Петровной дверь кабинета.

Вера Петровна пошажала прямо, как заведенная, мерно переставляя ноги, через просторную комнату к массивному темному столу.

Она еще не достигла стола, когда генерал спросил, вскинув седеющую голову:

— По какому делу, краснофлотец?.. Ах, да вы — женщина...

Она остановилась и ответила:

— У меня мама умерла в Сибири, в Усть-Ишиме.

— Очень сочувствую, — растерянно посмотрел в сторону генерал. — Дальше, пожалуйста.

— Михалка один там остался, больной. Сын, десять лет. Один совсем, никого родных.

— Ну дальше, к делу, — торопил генерал.

— Помогите мне, пожалуйста, выехать из Ленинграда.

Тут бы надо было сказать, что ее направля-

ли в госпиталь, она едва вырвалась из рук врачей, и вообще она, как сказал комиссар, не приносит пользы своей части, потому что слаба и за ней самой надо ухаживать, а сыну надо вырасти веселым, жизнерадостным человеком, а как же он вырастет веселым и вырастет ли вообще, если она не будет сейчас с ним рядом... Но она не сказала таких слов, умолкла, ожидая, что сейчас генерал ее прогонит.

Самохин выронил карандаш, устремил на нее тяжелый взгляд, и густые брови его взметнулись к волосам, потом сошлись над переносицей.

— А вам известно, гражданка, что в Ленинграде сейчас сотни тысяч людей нуждаются в немедленной эвакуации? И нет никакой возможности им помочь! За какие такие заслуги я должен именно вам выдать направление на самолет?

...И в самом деле: кто она такая, чтобы соваться сейчас со своей маленькой бедой к людям, взвалившим на свои плечи беду всего города... Как прекрасно было бы сейчас вернуться на фронт... Но вернись она туда сейчас — комиссар тут же отправит в госпиталь...

— У меня нет никаких заслуг, — тихо сказала Вера Петровна. — У меня только малолетний сын сейчас один, в Сибири.

— Откуда мне знать, что у вас малолетний сын.

Генерал махнул рукой, как бы давая понять, что разговор окончен.

— Вот! — выкрикнула Вера Петровна. Выхватила из кармана партийный билет и протянула генералу.

Самохин взял партбилет и осторожно раскрыл его.

Он долго смотрел на фотографию Михалки.

— Теперь я вас вспомнил, — тихо произнес генерал. — В октябре сорокового года, на партийной конференции мы разговаривали в пере-
рыве... О чем? Не помню...

— Об учете самолетного парка, товарищ генерал.

— Да, да, верно... Сколько лет вашему огольцу?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Утром Петя Бобров пришел будить ее. Присел на койку, разговорился.

— Вот тебе направление на «дуглас», — протянул он бумагу. — Документ первойшей важности, не утерять.

— Сказал, тоже!

Вера Петровна бережно уложила направление во внутренний карман кителя.

— Приводят тут всяких с улицы, — пробубнил с недалей койки высокий лысоватый матрос.

— Ты бы, Сутырин, не совался в чужие де-

— Десять исполнилось.

— Ах, как это все размягчает характер...

Он нажал кнопку звонка, и у двери бесшумно возник Петя Бобров.

— Слушаю вас, товарищ генерал.

— Вери Петровну накормить и уложить спать. Утром отправить на аэродром с первой машиной. Выпишите ей направление на «дуглас». Где ваши вещи? — снова повернулся генерал к Вере Петровне.

— Вещей нет, — сказала она, почему-то смущаясь.

— Поразительно... Это до какой же степени надо верить в человеческую доброту, чтобы так, налегке, в Сибирь! Идите, Вера Петровна. До свидания. Напишите мне оттуда, как до-
летели.

— Непременно, — сказала она. — Спасибо!

В подвальном помещении, приспособленном под столовую, покормили ее теплой пшенной кашей, дали чаю и большой, почти окаменелый черный сухарь. Она очень долго жевала кашу. Потом макала сухарь в чай и высасывала его. Когда сухарь кончился, Вера Петровна, разоренная теплом столовой и почти совсем сытая (нельзя быть совсем сытым, когда не знаешь, где и что будешь есть завтра), поднялась к Петю Боброву.

— Машина будет завтра в одиннадцать, — сообщил Бобров. — А сейчас ступай спать.

Он привел ее в помещение караульного звзда и указал свободную койку. Вера Петровна стянула валенки, рухнула на тощую солдатскую койку, укрылась шинелью.

— Петенька, тебя мне бог послал? — она улыбнулась.

— Дурацкие какие-то слова, — смутился Бобров.

— Ничего ты не понимаешь, Петенька.

— Все я понимаю, — возразил Бобров. — Однако спать, старушка.

— Спасибо, — пробормотала она и погрузилась в бездонное забытие.

ла, — спокойно молвил Петя Бобров. — Ведь если вспомнить, так чуть не угробил вчера человека.

— Я по уставу поступал, — отозвался Сутырин. — Когда на посту, никаких человекoв для меня быть не может.

— Почему он такой злой? — спросила Вера Петровна.

— Натура такая малоотёсанная, — пожал плечами Бобров.

— Натура — дура, —отреагировал Сутырин. — Не в ей дело. А вот меня на той неделе

в Кронштадт должны перевести, в береговой артиллерии чтобы служить.

— Воевать не хочешь? — сдерживая неприязненное чувство, спросила Вера Петровна.

— Говори, да не заговаривайся! — рявкнул матрос. — Воевать мне интересно больше, чем двери охранять от таких, как ты, плюгавых. Но у меня тут, в городе, мать, и никак мне не интересно одну ее оставлять без моего примотра.

— Так взял бы ее с собой в Кронштадт, — сказала Вера Петровна.

— Совет хороший, целиком его принимаю, — сказал Сутырин. — Не посоветуешь ли ты мне еще, молодой товарищ, где она там в Кронштадте жить будет? И найдет ли она дров, чтобы печку топить?

— Я тебе вот что посоветую, — Вера Петровна вынула из кармана ключи. — Держи, Сутырин. Улица Попова, 6, квартира 32. Отличная комната. Дров во дворе полный сарай, так как запасла я их на зиму достаточно, а прожила почти все время в части.

Сутырин поднялся со своей койки, неторопливо подошел и взял ключи.

— Спасибо. Ты извини, что вчера так получилось. Больше не повторится.

Время проскочило незаметно, и в одиннадцать часов она первой забралась в брезентовый фургон полуторки и удобно устроилась на скамье у кабины.

Через некоторое время стали залезать в фургон

командиры в морских шинелях. Каждый удивленно взглядывал на щуплого матроса, и в тусклом свете, едва проникавшем сквозь слюдяные окошки, не сразу угадывал, что это женщина.

— Все дома! — прозвучал снаружи голос Пети Боброва. — Езжай!

Когда машина мчалась по пустынному проспекту, перегороженному сваренными в «ежи» рельсами, взвыли сирены воздушной тревоги. Больше часа просидели они в подвале Московского райсовета. И, выйдя оттуда после отбоя тревоги, Вера Петровна увидела, что слева за домами полыхает пожар. Брезент фургона их машины был вспорот наискось. На скамье у кабины лежал еще теплый осколок зенитного снаряда. «Ведь убил бы», — подумала она и спрятала осколок в карман шинели.

Короткий декабрьский день кончился. Уже в темноте миновала машина Среднюю Рогатку и выехала на Киевское шоссе, ведущее к аэродрому. До линии фронта оставалось три километра. В гуле артиллерийской канонады Вера Петровна различила выстрелы наших корабельных 130-миллиметровых пушек. Потом почудилась винтовочная стрельба. И в эту минуту машина остановилась. Шофер выпрыгнул из кабины.

— Дальше ехать опасно, товарищи командиры. Полтора километра до фронта. Немец на звук мотора палит. Вы уж, пожалуйста, добейтесь пешком до аэродрома. Тут не так далеко — направо и вперед. Как раз туда и придете.

Черными стенами встал вдоль шоссе лес. В правой черной стене была щель — дорога на село, к аэродрому. Впереди гудела и светилась слабым заревом линия фронта. Окаймленный мутной светлой полосой торчал холм Пулков. Порой все умолкало, гасло, погружаясь в настороженный мрак. Тогда с немецкой стороны взлетали осветительные ракеты. Они долго висели в воздухе, обливая землю неестественным сиянием, которое холодило душу...

Когда добрались до барака аэропорта, их тут же окружили красноармейцы и стали проверять документы, пропуская в помещение по одному человеку. Внутри аэропорта тускло светили трепещущие копилки и так же, как позавчера на Финляндском вокзале, везде, на лавках, на вешах и прямо на бетонном полу сидели и лежали люди. В основном это были военные, и только изредка среди них замечала Вера Петровна женщин с детьми.

Она увидела свободное местечко у двери на полу, прилегла, положила голову на вытянутую руку и тут же заснула...

И сразу же, как ей показалось, раздался топот ног, кто-то споткнулся о нее, упал и, вскрикнув, не обругав ее, а сказал вежливо:

— Простите, пожалуйста.

— Ничего, мне не больно, — ответила Вера Петровна и поднялась на ноги.

От близкого разрыва бомбы дрогнули стены...

Она стояла, опершись на березу, по колени в снегу, и пыталась вспомнить, как очутилась в лесу. Польшул багровым заревом последний взрыв. Гул моторов удалялся на юго-запад, затихая. Люди потянулись обратно в барак, и она пошла вслед за всеми.

Зайдя в помещение, она сообразила, что должно быть здесь какое-то окошечко, где выдают билеты на самолет, и около него, наверное, стоит очередь. Она нашла такую очередь, встала последней. Ей не верилось, что она когда-нибудь улетит.

А очередь не убывала, наоборот росла, и ее оттесняли все дальше от окошечка.

Прошли уже сутки с тех пор, как она позавтракала в Адмиралтействе черным сухарем с подслащенным чаем. Но не так мучил привычный уже голод, как предчувствие крушения всех мечтаний и планов. В мыслях царил полная паника от одного вида этой упорной и все растущей очереди перед закрытым окошечком, от непонимания того, как это ей, не имеющей никаких заслуг и связей, никаких чинов и званий, разрешили вдруг лететь, и нет ли здесь ошибки, и еще от того, что у нее совершенно не было в жизни такого опыта, чтобы получить что-нибудь особое, чего не мог бы получить всякий другой человек. И от этого она была в полной растерянности, никак не могла

поверить, что вырвется когда-нибудь из этого холодного, освещенного тусклыми копилками барака. Плотное кольцо немецких войск, окружившее город, представилось ей вдруг в виде ржавого железного обруча на собственной шее.

Слезинки выкатились из-под сжатых век.

Она утерлась варежкой, опустила устелые на короточки и задремала.

Когда человек до предела измучен и истощен недоеданием, снятся ему удивительные сны. Такой сон увидела Вера Петровна. Сверкало во сне солнце, трепетали темно-зеленые матовые листья под ласковым морским ветерком, и она бежала по улицам Петергофа, потом по аллеям английского парка, а впереди были мама и Михалка. Она уже знала, что мамы нет на свете, но теперь мама была жива, и она испытала громадную радость. И вдруг мама погрозила пальцем и закричала ей:

— Савина! Где Савина? Савина есть? Савина!

На мгновение она поразилась, что мама кричит сердитым мужским голосом, и разом вернулась в реальность, в этот полутемный, набитый народом барак аэропорта.

— Савина! — кричали из окошка.

Она подбежала, громко повторяя:

— Есть Савина, я сейчас, есть Савина!

И сунула голову в глубокую амбразуру каски.

— Где же ты бегаешь, пигалица, — сказал, рассматривая ее, усталый военный. — Получи билет и живей на поле. Там «дуглас» увидишь.

— Билет... — прошептала она, прижимая к груди и разглаживая невзрачную бумажку. — Билет...

Ее осторожно, но настойчиво оттерли от окошка. Вера Петровна очнулась и побежала на летное поле.

Она втиснулась между людьми на металлическую скамейку, протянувшуюся вдоль борта самолета. Прямо перед ней высилась тумба, а на тумбе пулемет, ствол которого высывался наружу. Стрелок, одетый в короткую меховую куртку, сидел, опираясь на этот пулемет, и отрешенно улыбался каким-то своим затаенным мыслям. Это была первая улыбка, которую она увидела с тех пор, как села в крытую полторку.

Взвыл мотор, самолет двинулся вперед, сперва медленно, потом все быстрее, и, когда вой мотора перебрался в высокий, закладывающий уши регистр, машина оторвалась от земли, взмыла под облака. Вера Петровна прикинула к желтоватому окошечку. Увидела внизу кубики домов и тонкие, будто вычерченные, колеи дорог. Когда перелетели Неву, показались хвойные леса, и они были не густыми — каждое дерево стояло особо, припущенное снегом.

Впервые в жизни поднялась она в воздух и

увидела на земле черные полосы и квадраты, но ей невдомек было, что это и есть линия фронта, пока об этом кто-то не сказал.

Тут же несколько белых буюнов возникло в воздухе неподалеку. Самолет трянуло, перекосило, метнуло в сторону. Пассажиры повалились с железных скамеек, больно наткаясь друг на друга. Стрелок ухватил черные ручки своего пулемета, и больше не было улыбки на его лице. Вера Петровна слышала четкую дробь пулеметной очереди. Поднялась, подобралась к окошку и увидела проносящиеся мимо черные силуэты. Они возникали на миг и тут же исчезали, пронзая сердце тонким лезвием испуга. Пулемет грохотал уже непрерывно. Стрелок ерзал и извивался на своем жестком, неудобном кресле. Машину бросало вверх, вниз, в стороны, по всем возможным направлениям, и ей думалось, что вот оно — наступил коней.

И громадное, ни с чем не сравнимое облегчение пришло к ней, когда «мессершмитты» наконец отстали от самолета. Он опять пошел ровно, уже над своей территорией, и пассажиры постепенно расселись в том же порядке. Вера Петровна облизала садины на косточках пальцев и натянула варежки. Самое страшное позади. Ей казалось, что все в самолете думают только об этом и о чем же еще думать в такой момент, едва ускользнув от смерти.

Наверное, так оно и было, но радовались они еще преждевременно, потому что война опять настигла их через несколько минут, когда приземлились уже на маленьком аэродроме у поселка Подпорожье. Только вышли из самолета, как налетели «юнкерсы», засыпали летное поле бомбами. Утопая в снегу, Вера Петровна бросилась к лесу, добежала и упала

в сугроб, сбита с ног догнавшей ее стеной плотного горячего воздуха.

Когда стихло, она поднялась из спасительного сугроба, и первое, что увидела, это были собственные красные и вспухшие от мороза руки. Потерялись шерстяные варежки.

Люди по одному выходили из леса.

Тупорылый «дуглас», совершив последнее свое доброе дело, пылал жарким, почти бездымным костром. Он стал прозрачным, обнажился скелет. Вера Петровна подошла ближе, куда достигал жар огня. Кучкой стояли летчики, хмуро взирая на обгорелый остов своей машины.

— Страшно? — спросил стрелок.

— Страшно, — сказала Вера Петровна.

— Рукавички-то где?

— Потерялись.

— А еще матрос! Берн, а то пальцев недо считаешься.

Стрелок снял с рук овчинные рукавицы и грубовато сунул ей под мышку.

Она обрадовалась подарку, не стала деликатничать, отказываться. Рукавицы были ей не так уж невозможно велики.

— Догоняй своих, — сказал стрелок. — Вон они в деревню пошли. Там в эвакупункте вам хлеба дадут.

Вера Петровна поспешила за удаляющейся цепочкой людей. Слова «хлеба дадут» подгоняли ее, прибавляли сил. Она думала о том, что найдет почтовый ящик и отправит письма, которые ей дали. И письма пойдут, наконец, по своим адресам, и долго еще эти письма будут соединять ее с теми товарищами, которые остались там, на войне. Через много дней, получив ответ на свое письмо, человек вспомнит, что отправляла его она, Вера Петровна Сави-на...

Никогда в жизни она не брала в рот ничего вкуснее этого настоящего без примесей, ржаного хлеба. Сперва она съела половину от половины буханки, тщательно разжевывая и растирая языком во рту каждый кусочек. Желудок уже не хотел есть, но глупый язык просто кричал, что ему мало, что он совсем еще не насытился волшебным вкусом этого теплого, настоящего ржаного хлеба. И она съела половину от оставшейся половины. И подумала, что оставшийся кусочек уже не стоит того, чтобы его сохранять, и в кармане он только раскрошится.

Она съела и последний кусочек.

До завтра она теперь сыта, а завтра, наверное, дадут еще такого изумительного, совершенно довоенного хлеба.

Встреча с Михалкой казалась неременной и близкой. Ничто, кроме расстояния, не стояло между ними. Она преодолевает это расстояние в дни, пусть даже в недели, и Михалка повиснет у нее на шее...

Она вышла из тесного эвакуанта на длинную и суровую улицу, вдоль которой стояли деревянные дома, скорее даже избы.

Под вывеской «Сельсовет» скромно пристроился картонный плакатик с надписью «Почтовое отделение Подпорожье». Вера Петровна зашла туда и отдала девушке-почтальону письма, все тридцать две штуки, немного уже помятые, потертые в карманах. Девушка с уважением упрятала блокадные письма в свою кожаную сумку.

И только успела Вера Петровна подумать, что попала в другой, ясный и безмятежный мир, как снова загудело, взвыло и загрохотало. Мощные моторы ревели так, будто звук раскатывали на качелях, сверху вниз, и снова наверх, и опять вниз. Дребезжали заклеенные бумажными полосками стекла. Казалось, поселок утонул и исчез в этом вое и грохоте.

Продолжение следует

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

КОСТЕР: Послушайте, БАРАБАН, многие не знают, что вы один из первых пионерских журналов страны. Пожалуйста, расскажите о себе.

БАРАБАН: Я родился в апреле 1923 года, в Москве, у пионеров Красной Пресни. На первой моей странице было напечатано: «Эй, кто, как соня, дремлет? Не будь бездельником, встань! Город, село и деревню будит наш „Барабан“!» Я собирал ребят в звенья, отряды, дружины, учил пионерской работе. Я рассказывал, как провести сбор или поход, как вырасти сильным и смелым, как бороться с пережитками прошлого, как выпускать стенную газету. Я сообщал новости науки и техники и даже учил, как самим починить сапоги...

КОСТЕР: Дедушки и бабушки сегодняшних пионеров, вспоминая о БАРАБАНАЕ, восклицают: «Мы зачитывали его до дыр!» Это правда?

БАРАБАН: Откровенно говоря, как-то неловко хвастаться, но из песни слова не выкинешь. Я был журналом самих пионеров, в этом секрет успеха.

КОСТЕР: Самый счастливый ваш номер?

БАРАБАН: Самым счастливым был пятый, декабрьский номер 1923 года. Пионеры попросили Надежду Константиновну Крупскую передать этот номер журнала Владимиру Ильичу Ленину. На обложке ребята написали: «Дорогому Ильичу от пионеров Замоскворечья. Мы идем на смену». Этот журнал до сих пор стоит в одном из книжных шкафов Ленинского рабочего кабинета в Кремле.

КОСТЕР: Спасибо. А теперь, дорогой БАРАБАН, переверните-ка страницу. Юнкоры приготовили вам сюрприз.

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

50 лет тому назад
пионерской организации
присвоено
имя В. И. ЛЕНИНА

Говорят и пишут: ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ. Это значит: ИДУЩИЕ ПУТЕМ ЛЕНИНА. Идти путем Ленина нелегко — надо стараться быть похожим на Владимира Ильича, который соединял в себе самые лучшие человеческие качества.

В мае, в канун Пионерского праздника, БАРАБАН расскажет о ребятах, которых смело можно назвать настоящими юными ленинцами — о самых мужественных, о самых трудолюбивых, о самых верных, добрых, волевых и жизнерадостных.

Такие ребята есть всюду. В каждой школе, в каждом дворе, в каждом городе и селе. Есть они и среди твоих друзей. Напиши нам о таких ребятах. Напиши подробно, не скупись, опиши их поступки, их мечты. Рассказы должны поступать в БАРАБАН не позднее 25 февраля. На конверте писать: БАРАБАН.

У НАС ТАКОЙ ПОРЯДОК: БУДЬ КРАТОК.
СКАЗАЛ — ПЕРЕДАЙ ПАЛОЧКИ СОСЕДУ,
КТО ПАЛОЧКИ БЕРЕТ — ТОГО И ЧЕРЕД

КАК БЫТЬ?

Дорогой БАРАБАН! Вечером папа выключил телевизор и сказал: «Все! Телевизор враг знаний и учебы». Как же так! Телевизор — это великое открытие, даже чудо, а он говорит «все»! Меня он не слушает ни почему, как будто я бесправная.

Татья Ветрова,
Киеш

Дорогой БАРАБАН! Произошел удивительный случай. К нам пришел новый учитель, молодой — К. М. На первом уроке он сказал так: «Ребята, кто со мной в чем-нибудь не согласен, поднимайте руку и смело возражайте, я не обижусь, я буду рад». Мы так удивились! Мы не привыкли, чтоб учитель так говорил! Моя подруга тихонько сказала мне: «Подумаешь, новенький, так и подлизывается. А скажешь — влепит кол!» Может, подруга и права, но я почему-то не хочу ей верить. А если К. М. говорит правду? Он не похож на подлизу, он мне нравится. Прошел уже месяц, но никто ему не возражает. Наверно, боится.

Вера Иванова,
Калинин

КТО ВОЗРАЗИТ ВАСЬКЕ?

БАРАБАН! У нас вышел спор. Васька Губан говорит: «Кто смелым родился, тот и смел, а кто трусом, тот трус». Один мальчик из нашего класса боится темноты. Васька его доводит: «Трус ты навечный! Разве нельзя побороть страх? Извини, что я не пишу свою фамилию. Ты подумай, я боюсь. Нет, я просто не люблю, когда насмехаются. А Вася безжалостный.

Вова Г.,
Саратовская обл.

Мама у меня старомодная. Я юбку укоротила, а она ночью встала, распоролла, выгладила и на тебе!

Лия Ю.,
Донецк

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТОВ

В школе открыли комнату боевой славы. Вместе со слепотами ее создавали все жители нашего шахтерского поселка.

Наталья Василенко,
пос. Курязовка Донецкой обл.

Собираем материалы о первых пионерах нашего села. Самыми первыми были — Мария Ивановна Горшкова, Иван Гаврилович Ллод и Елена Павловна Волкова.

Саша Кришчо,
село Никольское Амурской обл.

Наш отряд правоохранительный. Совершаем походы по Ленинским местам. Были в селе Шушенском и Ульяновске. Собираем в Ленинград.

Наталья Попова,
город Обь Новосибирской обл.

Проводим опыты и уважаем за десять породками кроликов. Ценные шкурки и мясо даем государству.

Мехришо Кайдарова,
станция юных натуралистов
Сурхотдарьинской обл.

Наша дружина шефствует над фермой совхоза «Ильинский». Убираем помещения, производим мелкий ремонт, разгужаем машины с опилками.

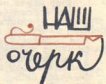
Ира Лобан,
Матковская школа
Минской области

Несколько лет тому назад мы организовали бригаду по выращиванию хлопков — сарпа. Колхоз выделил нам участок, 50 гектаров. Урожай собираем машинами. Сначала работали трудно, не было умения и споров. Теперь профессионалы хлопководов мы освоили. У нас есть свои мастера — Рахима Карабаева, Тахир Юсупов, Вахид Абдумажидов. За высокие урожаи наша школа награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Тайжишон Мирсаидов,
Наманганская область

У СЕРЕЖИ ЖУКОВА

ни. Дверь открыла Серенина мама. Она сказала: «Серенин нет. Он сейчас спит на границе. Если хочешь встретиться, приходи через год».

Через год мы встретились. — У кого ты узнал, что в нашем доме жил Ленин? — спросил я. — Серенка показал на книги, которые у него много, как в библиотеке.

— А на границе ты совершал подвиги? — Это военная тайна! — засмеялся он.

— А чем ты теперь занимаешься? — Учусь в институте и работаю.

Потом Серей принес конфеты, и мы стали пить чай.

Игорь Визиратор,
Ленинград

Однажды я прочитал в газете о Серенке Жукове, которому удалось узнать, что в те же годы в Ленинграде, на улице Чайковского, 58, жил Владимир Ильич Ленин. Но на доме не было мемориальной доски, и никто из ребят Серенке не верил. Тогда Серенка написал письмо в Центральный Комитет партии. Вскоре на фасаде дома появилась мемориальная доска. Я решил познакомиться с этим мальчиком. Нашел квартиру. Позво-

USSR ★ USA

DRIW

ХОККЕЙ

Хакаев Саша, 11 лет, Улан-Удэ

Новый год
в Ленинграде

Румынская девочка Рита
Плошнице жила в Ленинграде.
Это стихотворение она напи-
сала, когда училась в первом
классе.

У Гостинного двора —
Дед-Мороз и дедовра.
Дивилиются ребята:
Великанский Дед-Мороз.
Он в мешке своем огромном
Нам подарки всем принес.
Мальчине голову подарил —
Даже шапку потерял.
Очень девочка стоит.
Рядом такко говорит:
Дед-Мороз, приди ко мне,
Принеси подарок мне,
Куклу ту, что на витрине.
На Садовой в магазине.
Я ниню недалеко,
И меня найти легко.
В Новый год не буду спать
И подарок буду ждать.

Мы вышли на школьное крыльцо и
стали озирничать. Подумались поло-
жить веник на дверь. Ждать при-
шлось недолго, послышались чьи-то
шаги. Дверь открылась. Мы обомле-
ли. Это был учитель пения. Мы за-
кричали ему, что на двери лежит ве-
ник, но было уже поздно...

Николай Васильчиков,
Новгородская область

Я поспорил со своим другом из-
за футбола. Мы с ним играли в раз-
ных командах. Мы забили им гол,
а она говорит — штраф! Мы с дру-
гом чуть не подрались. Теперь бу-
дем играть в одной команде.

Петя Сергеев,
Омская область

Сестра хитрая, заставляет сосед-
ских малышей убраться у себя в ко-
мнате, а говорит, что это татуир-
ская работа.

Тата Б.,
Ташкент

Папа привез мне из Атлантики за-
сушенного морского рака — омар.
Омар рассыпался. Как его склести?
Федя Ефимов,
Самарканд

Милая Лида! Мы уже печатали
образы школьных прыжков в по-
ярском номере журнала за 1972
год. Ты найдешь его в школьной би-
блиотеке.

Дорогой БАРАБАН! Я очень хочу
стать путешественницей, но у меня
слабые навыки с географией. Я
все путаю и никак не могу запо-
мнить географические названия. Как
быть?

Тана Рогова,
Ташкент

Дорогая Таня, география — наука
легкая. Надо только запомнить, что:

Самый большой барабан в
мире — барабан, сигнальный ба-
рабан лавасской деревни. Это
выдобленная изнутри огром-

Дочь почтальона распечатывала
письма и читала. Мы ее повели за
окошечком и получили жалость. Она
решила и поучила жалость. Она ре-
шила и орала: «В суд на нас подали!»
Интересно, кто преступник — мы
или она?

Сева К.,
Новосибирская область

Дорогой Федя, склей омара эпо-
кейной смолой. Весь БАРАБАН те-
бе завидует.

Дорогая редакция! Напечатайте,
пожалуйста, несколько видов школь-
ных прыжков для волос разной дли-
ны.

Лида Харитонова,
Оренбургская область

Есть Калитва, а не калитка,
Улан-Удэ, а не уланта,
Хустаный Гус, а не индос,
Великий Устюг, а не утюг.

А если ты еще сможешь выгово-
рить одним духом: Саерра-ди-Тапа-
уил-акура — и — Наракуккура —
и — Парантис (название гор в
Бразилии) — считай, что географи-
ей ты овладела!

из сундука
оставшегося
БАРАБАНИКА

нав колода, длиной с дом.
Бьют по ней палкой. Есть ите-
кой занятый сигнал — частые
надрывные удары: «Иван-
чина», скорей возвращайтесь с
огорода, мы, мужчины, прого-
лодались!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА КАРАКОТА

Оформление Г. Ковенчука

1. «Привет, сверкая, — сказал
Фомка в тоске, — от двоек мы, на-
верное, на волосок...» — «Знал бы,
остался дома», — вздохнул Ерема.

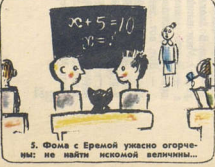
2. «Ерема, не свернуть
ли нам в кино?» — «Фо-
ма! Ты гений! Решено!»

3. Нет, не такой был Кара-
кот, чтобы одобрить этот
путешествие. Простая, как че-
реда, в обычные новол и по-
разил друзей разумным сло-
вом.

4. «Путин ного нет, Ерема и Фомка!
Ученые — свет, а неученье — тьма!»

5. Фомка с Еремой ухмыло огорче-
ны: не найти искомой величине...

6. Ая да Ерема! Ая да
Фомка! Провалили огромную
гибкость ума!

7. Другой спасет Чикова Галка...

8. Не знал Каракот, что это —
шпаргалка. А что случится потом,
узнаете в выпуске втором.

По городу разъезжали казаки... Впервые Аркадий увидел их в кинематографе. Тогда над входом висела огромная афиша: «Подвиг Козьмы Крючкова», и ученики реального училища, несмотря на запрещение посещать сеансы в будние дни, ухитрялись по несколько раз посмотреть короткую эту киноленту. На маленьком экране смешно перебирали ногами лошади, всадники казались игрушечными, как оловянные солдатики в коробке, и никакого особенного подвига они не совершали, просто скакали на лошадях и размахивали шашками. Теперь же казаки гарцевали по притихшим улицам, низко выпустив чубы из-под лакированных козырьков, глядя прямо перед собой пустыми, равнодушными глазами. Ножны их шашек били по гладким лошадиным бокам, за плечами торчали дула карабинов, они небрежно сидели в седлах, помахивали короткими нагайками, и когда лошади их цокали копытами по булыжной мостовой, хотелось вжаться в стену и стать незаметным.

Аркадий вспомнил, как прибежал домой жарким июльским днем и застал мать в слезах. Первая его мысль была об отце: убит? Наверно, лицо у него было такое, что мать сразу догадалась, о чем он думает, закричала: «Нет, сынок! Нет!» И рассказала, что в Петрограде стреляли и рубили шашками безоружных людей, женщин и стариков, вышедших на мирную демонстрацию.

«Такие вот и рубили!» — разглядывал казачий разъезд Аркадий. Вынуть бы маузер и свалить этого, который ближе, усатый и красномордый. Но стрелять нельзя. Они только и ждут повода, чтобы начать расправу над рабочими.

Как все переменялось за одно лето!

Заводчики и купцы снимали красные банты, и опять им кланяются конторщики и приказчики, величают господами.

Солдат арестовывают как дезертиров и отправляют обратно на фронт.

Распустили слух, что Ленин немецкий шпион, того и гляди начнут аресты.

Обо всем этом Аркадий узнал в большевистском клубе. Попал он туда случайно. Как-то после уроков его подозвал Николай Николаевич и негромко спросил:

— Дом Волкова знаешь? На Сальниковой улице? Маленький такой, деревянный...

— Знаю, — кивнул Аркадий. — Рядом с духовным училищем.

— Вот, вот... — усмехнулся Николай Николаевич. — Имеется такое соседство. Пойдешь туда, спросишь Марию Валерьяновну и передашь записку. Понятно?

— А чего тут непонятного? — Аркадий посмотрел на бородатого учителя: старый уже, а записочки посылает. — Она что, живет там — ваша Мария Валерьяновна?

Вся власть советам

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АРКАДИЯ ГАЙДАРА

Ю. Принцев

Из новой
книги
рассказов
о Гайдаре

— Во-первых, она не моя! — нахмурил-ся Николай Николаевич. — И не живет, а работает. Там помещается клуб большевиков. Слышал про таких?

Аркадий смутился.

Большевиком он не один раз видел на митингах. Уже привык думать, что все это ростле, суровые, сильные люди, а Мария Валерьяновна оказалась худенькой, маленькой женщиной в темном платье с высоким белым воротничком и такими же манжетами. Ее можно было принять за гимназистку старшего класса, если бы не морщинки у глаз и чуть приметная седина.

Она взяла у Аркадия записку, тут же написала ответ, в это же время успела поговорить по телефону, дать указания идущим в солдатский лазарет агитаторам, посмотрела текст воззвания и распорядилась отдать его в печать. Говорила она тихим усталым голосом, но слышно ее было даже за грохотом работающего ротатора. На ротаторе печатались листовки, и сейчас пачка их, еще пахнувших краской, лежала за пазухой у Аркадия.

«Знали бы казаки, что у меня, не проехали

бы мимо!» — глядя вслед казачьей полусотне, подумал Аркадий и опять привычно проверил, на месте ли маузер.

Носить оружие без особого на то разрешения властей было рискованно, но оставлять пистолет дома Аркадий не решался. Вдруг мать или сестренка нечаянно обнаружат его? Такой поднимется переполох! Но если говорить по правде, Аркадий не смог бы теперь сделать и шагу без привычной тяжести маузера в кармане. С ним он чувствовал себя настоящим революционером! Особенно сегодня, когда предстояло расклеить по городу большевистские листовки.

Доверили ему такое ответственное дело не сразу.

Сначала присматривались к нему — не по годам рослому, смышленому и быстрому. Потом оказалось, что Мария Валерьяновна давно знакома с его матерью, да и Николай Николаевич, наверно, сказал про Аркадия что-нибудь хорошее, потому что относиться к нему в большевистском комитете стали как к своему, а теперь вот поручили опасное и нужное дело. Аркадий зябко поехал из от пронызывающего осеннего ветра и побежал к училищу.

Вчера в реальное приходили представители кадетов и эсеров, призывали учащихся помочь распространить их литературу. План у Аркадия был простой: брать на виду у всех кадетские листовки, а вместо них расклеивать свои, большевистские.

Когда он прибежал в училище, в коридоре было уже полно народу, на подоконниках и прямо на полу лежали огромные кипы листовок, их раздавали какие-то господа в свежеразмаленных воротничках.

Федька Башмаков и его дружки нагружали кадетскими брошюрками, кто-то брал эсеровские листовки. Старшие всерьез дума-

ли, что участвуют в политической кампании, для малышей же это был лишь благовидный предлог не сидеть в надоевших классах, побегать по улицам и дворам.

Аркадий подошел к Федьке и громко, чтобы все слышали, сказал:

— Все забрал или другим что-нибудь оставил? Дай-ка сюда!

Он отобрал у оторопевшего Федьки полувину листовок, взвесил на руке и обернулся к господину в золотом пенсне:

— Еще есть?

— Пожалуйста, молодой человек! — улыбнулся тот. — Вот, прошу!

Аркадий взял еще одну увесистую пачку и направился к выходу.

Башмаков опомнился и крикнул:

— Голиков!

— Ну? — остановился Аркадий.

— Ты не перепутал? — кивнул на листовки Башмаков. — Кадетские!

— Я что, по-твоему, неграмотный? — смеялся его взглядом Аркадий и вышел.

Башмаков растерянно смотрел ему вслед...

Выйдя из училища, Аркадий нырнул в проходной двор, вышел на тихую Заречную улицу, перемахнул через забор, спустился в овраг и, сложив аккуратной кучей кадетские листовки, поджег их. Листовки вспыхнули, почернели, свернулись в трубочки и рассыпались серым пеплом. Аркадий раскидал пепел ногой и побежал через мост к рабочим казармам.

Большевистские листовки там разобрали быстро, и когда он, раскрасневшийся и потный, прибежал в дом на Сальниковой и попросил у Марии Валерьяновны еще несколько пачек, она ласково кивнула ему и предупредила:

— Будь осторожен, пожалуйста! И не бегай так — простудишься.

Аркадий весело отмахнулся, сунул листовки за пазуху и, сокращая путь, по чужим садам, через проходные дворы, направился обратно в училище.

Господин в золотом пенсне, увидев его, удивился:

— Неужели уже все раздали?

— Все до единой! — подтвердил Аркадий. — Давайте еще!

Обрадованный представитель кадетской партии нагрузил его очередной порцией литературы, и Аркадий, проделав тот же путь, опять старательно сжег увесистую пачку, а большевистские листовки решил раздать прохожим на центральных улицах.

Он совал в руки листовки с мелким типографским шрифтом и бежал дальше, пока прохожие не разобрались, что у них в руках.

Последнюю пачку листовок он решил кинуть во двор бывшего полицейского участка, где расположились казаки.

У ворот стоял часовой, но Аркадий влез на дерево у забора, откуда прекрасно были видны лениво расхаживающие по двору казаки без оружия, а многие и без шинелей, в одних гимнастерках.

Стоял солнечный, но холодный день, от холодных кухонь поднимался в небо вкусный дымок, ржали у коновязей расселенные лошади, и не верилось, что эти вот чубатые молодые парни, которые сейчас греются на скупом осеннем солнце, могут по первому же приказу сесты на коней и, обнажив шапки, с гиканьем врезаться в безоружную толпу.

Аркадий размахнулся и кинул листовки через забор. Они разлетелись веером и, медленно кружа, опускались во двор. Казаки недоуменно смотрели в небо и ловили листовки. От дверей казармы уже бежал красномордый и усатый вахмистр, кричал что-то и выхватывал из рук казаков белянские листки.

Аркадий соскочил с дерева. Минувя ворота, обжег дом с другой стороны, вышел на улицу и, не торопясь, зашагал среди прохожих. Такой чинный и воспитанный мальчик, в фуражке с гербом, в форменной шинели, аккуратно затянутой ремнем, на пряжке которого блестели три буквы: «АРУ» — Арзамасское реальное училище.

В кармане у него оставалось две листовки и, проходя мимо дома градоначальника, где теперь помещался думский комиссариат, он остановился, подумал, зашел в булочную на-против и вскоре вышел оттуда с куском све-жего, еще горячего хлеба.

Аркадий стоял под кренделем вывески, отщипывал от ситного кусочки, старательно жевал, а в глазах у него бегали озорные искорки. Он не заметил, как из дверей комисса-риата вышел Федька Башмаков и его нераз-лучный дружок Володька Сидоренко. Навер-но, раздавали думским чиновникам кадетские листовки. Федька первым заметил Аркадия и потащил Володьку за угол.

Аркадий выплюнул разжеванный мякиш на ладонь, подошел к дверям комиссариата и старательно прилепил большевистскую ли-стовку на самом видном месте. Полубовался на свою работу, кинул хлебные крошки во-робьям, отряхнул ладони и ушел.

Башмаков подбежал к дверям комиссари-ата, долго шевелил губами, читая листовку, сорвал ее и сунул в карман.

* * *

Утром выпали ранние заморозки. Лужицы затянуло тонким ледком, а булыжную мосто-вую будто присыпали крупной солью.

«А ведь только конец октября!» — думал Аркадий, нарочно ступая по ледовой корочке. Лед под каблуком трескался и рассыпался мелкими осколками.

В училище было по-зимнему сумрачно, ту-скло горели лампы под потолком, в еще не заклеенные окна дуло.

Аркадий кинул ремни с учебниками на пар-ту, где уже сидел Семка Ольшевский.

— Слышал новость? — спросил его Семка и захохотал так, что с носа свалились очки.

— Ну? — заранее улыбаясь, поинтересо-вался Аркадий.

Семка поймал очки, протер их, водрузил на нос и сказал:

— Мякишев на фронт сбежал. Сра-жаться за великую Русь!

— Какой Мяки-шев? — удивился Ар-кадий. — Сережка, что ли? Второклас-сник?

— Он самый! — опять захохотал Семка. Сухарей насушил, де-нег от завтраков ско-пил и дунул! Только в другую сторону. Аж до Самары допер!

— И чего его понесло? — вслух подумал Аркадий. — Умные люди с фронта бегут, а он, дурак, на фронт!

Федька Башмаков пошептался со своими друзьями и вышел вперед.

— Все слышали? — громогласно спросил он.

— Что? — притворился непонимающим Семка.

— Пораженческие речи, вот что! — раздулся от важности Федька. — Немецкий агент он! — Кто, кто?! — подошел ближе Саша Плеско.

— Большевистский агитатор! — распалился Федька. Он вынул из кармана смятую листовку и прочел: — «Голосуйте за партию рабочих, за партию городской и деревенской бедноты — за список № 7». Ясно?

— Ничего не ясно! — пожал плечами Саша Плеско. — При чем тут Голиков?

— А притом, что он эти листовки по городу расклеивал! — крикнул Федька. — Сам видел!

— Докажи, — спокойно сказал Аркадий и посмотрел на дверь. Там стояли Великанов и Володька Сидоренко.

— А вот сейчас придет представитель комиссариата, разберемся! — с угрозой сказал Федька. — У Голикова листовки в кармане.

— Нет у меня ничего! — сунул руку в карман Аркадий и нащупал последнюю, забытую им листовку.

— А мы обыщем, — шагнул к нему Федька.

— Попробуй, — отступил к окну Аркадий.

— Давай, ребята! — кивнул Федька друзьям, и они плотной толпой, отеснив Семку и Сашу Плеско, двинулись на Аркадия.

Аркадий медленно отступал, держа одну руку в кармане, а другой нащупывая подоконник.

— В окно хочет! — закричал Федька.

— Это со второго этажа? — пробасил Великанов, но на всякий случай двинулся в обход.

— Назад! — крикнул Аркадий и выхватил маузер.

Великанов попятился, кто-то из Федькиных друзей испуганно охнул, потом наступила тишина.

— Оружие незаконно хранишь? — осыпшим вдруг голосом проговорил Башмаков. — Откуда маузер?

— От верблюда! — Аркадий повернул ручку шпингалета и распахнул окно. — Не ходи, стрелять буду!

В коридоре послышался стук подкованных сапог. Сидоренко выглянул за дверь и обрадованно сказал:

— Комиссариатский патруль!

— Давай! — скандовал Федька. — Он у него не заряжен!

Они кинулись на него все сразу, кучей, стрелять было нельзя, Аркадий вскочил на подоконник и прыгнул вниз.

Он упал на рыхлую цветочную клумбу, сразу же поднялся и, выгадывая секунды, побежал за крестьянской таратайкой, ехавшей с базара. Незамеченный возницей, он прицепился сзади, отдышался и стал думать, что делать дальше.

Домой нельзя. Придут с обыском, растрезвоят мать и сестренку, его задержат и отберут маузер. На Сальникову? В комитет большевиков? И без того они висят на волоске! Надо уезжать из города.

Аркадий вспомнил сегодняшний рассказ Семки о беглеце-неудачнике Мякишеве и невесело усмехнулся. Куда ехать? В полк к отцу? Бессмысленно!

Он прыгнул у вокзальной площади и прошел через зал ожидания на платформу. Зал был набит до отказа ранеными солдатами, крестьянками с детьми и мешками. В воздухе стоял махорочный дым, плакали дети, за пыльными стеклами окон тоскливо гудел паровоз.

На платформе было пусто, под медным колоколом языком кутался в башлык дежурный по станции. За одним из окон, выходящих на платформу, уютно горела настольная лампа под зеленым абажуром и слышался равномерный перестук телеграфного аппарата.

«Как же я раньше-то!» — стукнул себя по лбу Аркадий, подошел к окну и осторожно постучал.

Отдернулась занавеска, и в окне показалось женское лицо. Это была Софья Федоровна Шер, член комитета большевиков. Она всмотрелась в Аркадия, узнала его, улыбнулась.

Аркадий вошел в теплую комнату, где за деревянной перегородкой постукивал аппарат и ползла длинная бумажная лента.

— Ты сам? Или послали? — спрашивала Софья Федоровна, отрывая узкие полоски бумаги и наклеивая их на бланк. — Неужели уже знают? Откуда?

— О чем знают? — не понял Аркадий. — Неприятности у меня...

— Какие теперь неприятности?! — рассмеялась Софья Федоровна и сунула Аркадию телеграфный бланк. — Беги скорей в комитет!

— Нельзя мне туда! — пробовал объяснить Аркадий.

— Можно! — улыбалась Софья Федоровна. — Теперь все можно! — и вытолкала Аркадия за дверь.

Он подошел к фонарю, развернул бланк и прочел:

«В Петрограде и Москве власть взята в руки Советов зпт принимайте меры тчк Подробности сообщим тчк 27 октября 1917 года приняла Шер».

Рисунки В. Орлова

СТРАНИЦЫ

Раздел ведет
писатель Н. Сладков
Объемление А. Януса

В МИРЕ ШЕСТИНОГИХ

ПАХОТА

По вспаханному полю бродят птицы. Тут и вороны, и галки, и сороки, и скворцы, и трясогоузки. Все они заняты, все ковыряется в земле. Армия пернатых добросовестно осматривает поле от всемогущей брайтовой, спрятавшихся в почве.

Но не только птицы занимаются этими полезными для человека делом. На краю леса водит бродячий старый муравейник. От него к пахоте протянулись тропинки, и по ней в оба конца бег усталые мчатся шестиножные охотники. Им тоже достается добычей: кто атакует гусеницу бабочки-совки, кто напал на проволочника, а кто довольствуется личинкой жука. Муравьи до самой осени не прекратят свою набег на враждебной сельхозхозяйства, все лето будут охранять поле. А кто, если на посевах оставлять узенькие межи с муравьиными! Сколько бы пользы принесли человеку эти труженики!

П. Марикоский

МИГ

Нелегко «вручную» ворю хопата! Вот и приходится перекрупу делать...
Е. Гвоздев

из «КРАСНОЙ КНИГИ»

РЫБНЫЙ ФИЛИН

Он не умеет строить гнезд и поэтому отнимает их у птиц послabee.

Днем до прихода темноты он прячется в лесу. Ночами бродит по мелководью или просто сидит у воды, поджидая свою добычу.

Его можно встретить на Дальнем Востоке, а также в Иране, Индии, Индонезии и Южном Китае, но увидеть его удавалось лишь немногим людям.

Охота на рыбного филина запрещена, и как редкое животное он занесен в «Красную книгу».

Этот рыбный филин появился на свет на Дальнем Востоке в заповеднике «Кроноцкая падь». Малюсиком он жила в дупле тополя на высоте 18 метров. Потом его подобрал лаборант заповедника Юрий Шибанов. А воспитал — отец Юрия, учитель биологии Б. К. Шибанов. И, наконец, ценную птицу подарил Ленинградскому зоопарку.

В других зоопарках нашей страны рыбный филин не приживался.

Е. Лисов, В. Левин

НЕПОЯТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

КРЕПКИЙ ХВОСТ

Третий день мороз, третий день клубится над речкой туман, и вода, вырываясь из-под льда, холодно шуршит и лопочет.

И в прибрежных кустах вадит что-то золотополое и зашуршало. Я взглянул, а там фазанчик висит на хвосте вьют гололой и бьется. Это было не только удивительно, но и совершенно непонятно: ведь хвосты у всех птиц очень легко выдергиваются.

Я осободил птичку из плена. Оказалось, кончик хвоста у фазанчика висел и свисал. Наверное, она нечаянно окунула хвост в воду. На дереве фазанчик зацепился ледяной слюдой за сучок и повисла. Она долго тут билась: снет под ней был усталый пухом и перьями. Но хвост выдергивал все рыска!

Пришлось отрезать смерзавших кончики и подержать фазанку вверх. Она тут же скрылась в деревце.

Так до сих пор не пойму, почему хвост сам не оторвался! Ведь стоит лиса, шеваку или коту кому-то схватить фазана за хвост, и хвост у него оторвется так же легко, как у ящерицы...

М. Заерс

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

— Спелые мои глаза, глупая моя голова, глупые мои уши! — припал Медведь, а отчаянно мотая головой.

— Странно сильно видеть в слабости! — буркнул головастый Филин. — Что с тобой случилось, Медведь?

— Не спрашивай, Филин, не береди рану! Один я остался в несчастье и горе. Где мои верные друзья и товарищи!

Филин хохот и страшноватый навид, но сердце у него отзывчивое. Говорит он Медведю:

— Поделись, Миша, бедой. Может, и полегчает. Говещи бы Медведь на Филина и не взглянул, а теперь, как один остался, синопшел.

— Ты, — говорит, — мене знаешь. Я самый сильный в лесу. И было у меня много друзей. Куда им повернуть — все в глаза заглядыва-

ли. И вдруг сразу ни одного! Как ветром сдуло.

— Странно, Медведь, очее странно, — сочувствует Филин.

— А уж обидно-то как! Раньше, бывало, Сорока чуть свет все лесные новости на хвосте приносит.

Ворон про мою сну и щедрость на весь лес каркает. Мышь пятни во сне шекотали. Комары забавные песни трубили. И вот ничего...

— И все верные друзья были! — Филин выпростывает.

— Заведенные друзья-товарищи! — прослезился Медведь. — Как-то непонятно: «Ты у нас самый умный, ты у нас самый добрый, самый сильный и самый красивый. Сердце неоп! А теперь разбежались».

— Ну не надо, не надо! — заморгал Филин глазами. — Не убеживай уж так! Назови-ка мне своих лучших друзей, может, что и узнаю.

— Называй мне: Ворон, Сорока и Мышка. Где вы?

— Хоть меня ты в друзьях и не числишь, но послушай я тебя по-другому, — обещает Филин. — Откажи всех, порасспрашиваю. А ты меня тут жди!

Вылетел Филин широкими легкими крыльями и бесшумно взлетел. Замелькало его тело по кустам и деревьям. И сам, несется как тень: ветки не заденет, крылом не скрипит. Два оранжевых глаза глядят пронзительно. Сразу Сороку углядел.

— Эй, Сорока, ты с Медведем дружишь?

— Мало ли с кем я дружила... — осторожно отвечает Сорока.

— А что ж теперь его позвала и бросила!

— Мало ли кого я бросаю и забываю. Медведь сам виноват! Я ведь не простой друг, я друг до века и навсегда. Даврила вы все ссоры. Сообщила, где овца захламала и от стада отблалась, в каком дупле пеньки мед спрятаны, когда рыба на нерест окосками пошла. Медведь, бывало, распорядится по-своему, по-медведьски, и мне придется падаю и кидаться. А теперь его зовут из нашего леса угнали. С глаз долой — из сердца вон!

Полетел Филин дальше. На лесной опушке увидел Ворона.

— Здравствуй, Ворон! Что ж ты с Медведцем дружить перестал?

— Это с какой? Которого охотники из леса прогнали! А для чего он мне теперь? Я ведь не простой друг, я друг обещанный. Бывало, после Медведя и мне косточка оставалась.

— А теперь, небось, другим достается. Пусть другие и кормят про него. А мне некогда, я себе другого медведя ищу!

Полетел Филин дальше. Мышь он, хотя и привычное дело, увидел на сраку: уж очее-та ловко протаскала.

— Эй, Мышь, ты ли это!

— Не я, не я! — писнула Мышь.

— Да не боюсь ты, не отказывайся сама от себя! Мне только спросить: ты почему пятни Медведю шекотать перестала!

Поминислась Мышь, засмеялась: как же мне шекотать их, если Медведь из нашего леса ного свои унес! Пятчино только сверкала!

Комарам и так не донгнать было. Мы теперь Лосу шуршим. Комары кровь сосут, а мыночку шерсть для гнезда собираю. Мы друзья расчелта-

а мне. Другой друг, да не будь и сам глуп!

— Живи пока, — буркнул Филин. — Жаль, что мне некогда...

И поспешно к Медведю.

— Ты ли, Филин! — обрадовался Медведь. — Не томки, что с моими друзьями случилось!

— Нет у тебя больше друзей! — говорит Филин. — Да и не было их никогда!

— Как же так, а Сорока, а Ворон! — Дрог — когда просто друг. А ты...

Понятно: беда в даярь, а друзья за даярь! Все дружились, все инчилось. А-а-а! Угу!

А Филин не успокаивает, Филин думает. И говорит:

— Сдается мне, что у вас, медведь, дружить друзей и быт-то не может. Не друзья вам нужны, а уголки. Уж больно вы, медведи, на похвалы слабы. Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты! Ты, Медведь, та же мышь. Только сильнее...

Медведь заворочал сердито, сосос страшный глаз, стал коры котками драть. Но Филин уже не смотрел на него. Филин опять думал.

— Верный друг поминается в беде, — думал Филин. — Друг у ног не валеет. Давным-давно это сказано, а вот помни ж ты...

— Слушай, Медведь! — сказал Филин. — Скажу понитуну тебе приму на друга. Не тот друг, кто неждо мамает, а тот, кто правду скажет. Понял!

— Еще бы! — обрадовался Медведь. — Мед, медом, медовуха...

Спаше любой правды!

— Не покая, — сказал про себя Филин. И усталю закрыл глаза.

Медведь...

Н. Сладков

Всемирное обозрение
всех видов технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудесств
ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

НЯНЯНКА ИЗ ТРАНЗИСТОРОВ

Деннис Вестон, житель английского города Лидса, — человек очень занятый. Чтобы освободить себя от домашних дел, он сконструировал робота-няню. Теперь сынишку конструктора воспитывает робот.

А НЕ ПОЗВОНИТЬ ЛИ НАМ ПО ТЕЛЕФОНУ?

Ранним утром из лондонского цирка убежали два слона — Макс и Рени. На улицах было еще пустынно, и слоны спокойно гуляли по городу, пока не проголодались. Тогда их внимание привлекла яркая будка телефона-автомата. И слоны решили: «А не позвонить ли нам по телефону своему хозяину, чтобы известить о своем местонахождении? Ведь голод — не тетка!»

Более храбрый Макс приоткрыл дверь будки и заглянул в нее, но не сумел весь в ней поместиться. Не зная, в чем дело, второй слон решил слегка подтолкнуть своего товарища.

СТРАЖА С ЗОНТИКОМ

Обычно королевские дворцы охраняют гвардейцы, одетые в национальную воинскую форму. В султанате Бруней на острове Борнео дворец султана тоже охраняют гвардейцы. Только вместо ружья — у каждого большой пестрый зонт. Стража меняется каждый час. Каждый час ко дворцу маршируют гвардейцы с большими зонтами на плече. Затем по команде, единым движением гвардейцы берут зонт на руку, распахивают его и торжественно защищают себя от солнца.

„ТИМ, ВКЛЮЧИ СВЕТИ!“

Для борьбы с квартирными грабителями английская фирма изобрела специальный магнитофон-сторож.

Когда воры подбираются к квартире, из-за дверей они слышат громкий хrap, потом кашель, а потом женский голос: «Кто там? Тим, включи же, наконец, свет!» Все это записано на пленку. Прибор может долго работать, охраняя пустую квартиру.

Робин Гуд, король Артур и другие

— Что такое средневековье?
— Как что — средние века.
— А что было в эти средние века?

— Да ничего хорошего. Бароны и разные там герцоги. Разоряли народ, дрались друг с дружкой так, что получались войны. А эти, как их... жгли людей на кострах. В общем, мрак. Невежество...

«Мрак» и «невежество» — привычные клейма, которые нередко ставят на средневековье. Слов нет, многие страницы истории Европы написаны кровью. Крестовые походы, междоусобицы, инквизиция... Но только ли это?

— Я, благородный Лермонт, певец и музыкант, которого королева фей наградила даром говорить только правду, говорю вам, что средневековье — время жестокое и трудное, но необыкновенно интересное. В это время жили не только убийцы, фанатики и невежды, но и защитники своих народов от иноземцев, отважные рыцари, которые будут воспеты миннезингерами, менестрелями, поэтами.

— Я, миннезингер Вольфрам фон Эшенбах, горжусь тем, что знаменитый композитор Вагнер не создал бы одной из своих лучших опер, если бы за сеньот с лишним лет до него я не рассказывал бы о рыцаре-лебедь Лознгрине, защитнике невинных. У вас не было бы «Гамлета», когда бы Саксон Грамматик не рассказал историю принца датского задолго до Шекспира. Повесть о любви Тристана и Изольды, столетиями вдохновлявшая поэтов, музыкантов и художников, написана в средние века. Страсть их была сильнее смерти, как и любовь Ромео и Джульетты.

— Не смотрите, что я хром, и заткните ваши носы, ибо я пахну серой. Именно потому, что я черт — Гамельнский Крысолов. Знайте, что это я первый вывел полчища крыс из города и утопил их в воде, а не мальчишка Нильс из книги Сельмы Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями». Предание обо мне живет давным-давно, как и о моем приятеле, Мефистофеле, известном вам по «Фаусту» Гете. Не забывай-

те — у вас бы не было этой знаменитой книги, если бы столетия назад не родилась легенда о связи с адскими духами строптивого старика-ученого, кстати сказать, жившего на самом деле...

Да, многое, без чего не представишь современную культуру, не существовало бы, если бы не средние века. Современные европейские литература, музыка, живопись тянутся корнями в далекое средневековье, оно доныне вдохновляет искусство, щедро даря темы, сюжеты, образы, героев.

— Кто такой рыцарь Роланд?
— Роланд?.. Забыл.
— А король Артур?
— Не знаю. Много этих королей, всех не запомнишь...

А помнить нужно, потому что встречаем мы их не только в учебниках истории. Герои давнего прошлого ушли в область легенд и преданий, они населяют страницы романов, без знания их не понять многих опер, картин, вообще искусство нового времени.

Составители книги «В стране легенд», выпущенной издательством «Детская литература», В. Маркова, Н. Гарская и С. Прокофьева пересказали для нас легенды и предания, родившиеся в Западной Европе в средние века и эпоху Возрождения. Читая ее, вы побываете на рыцарском турнире и в королевском замке, вместе с Тристаном и Изольдой будете скрываться в дремучем лесу, поплывете в бурю на корабле-призраке «Летучем голландце». Сегодня ему светит Южный Крест, а завтра — созвездие Большой Медведицы, на вечные скитания обречено это судно...

В этой книге множество интересных историй. Обязательно ее прочитайте, и тогда, если вас спросят:

— Когда жил Дон-Жуан?

Ответите:

— В XVI веке.

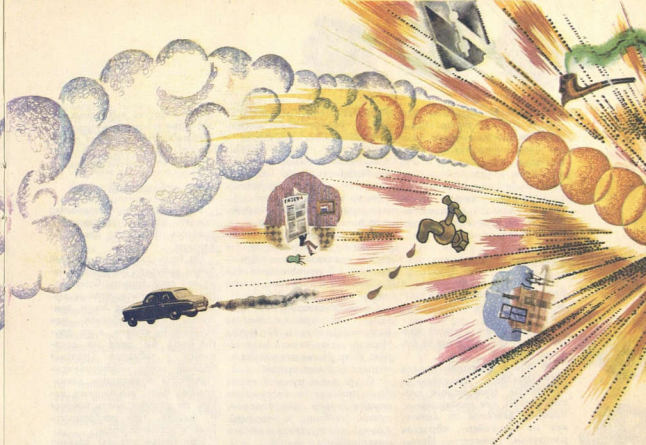
— Кто такой Маленький Джон?

— Совсем он не маленький — верзила и силач, соратник легендарного Робин Гуда, защитника бедных и обездоленных...

Вот теперь правильно.

М. Титова

НАШ НЕВИДИМЫЙ ДРУГ

Вадим Белоусов

Рисунки Ю. Клыкова

Слово «стандарт» в переводе с английского означает: норма, мерило, но еще лучше — образец. Мы редко задумываемся над тем, что со дня своего рождения невидимый друг — стандарт окружает нас airplaneм и заботой.

Пирамида Хеопса

Пять тысяч лет назад в Древнем Египте была воздвигнута знаменитая пирамида Хеопса. Даже в наши дни ее высота — 146,5 метра — заставляет призадуматься любого ин-

женера - строителя. Но еще больше удивляет невероятная «живучесть» пирамиды. Песок и знойный ветер пустыни лизали ее камни. Рушились и создавались государства, приходили и уходили завоеватели, но величественная пирамида все так же незлыбимо воздымается над окрестностями.

Как же удалось древним зодчим создать это гигантское сооружение и снабдить его невероятным запасом прочности? Разгадка древней тайны в единственном: при строительстве египтяне умело пользовались методами стандартизации. Они строили пирамиду из каменных блоков, строго

определенной формы и размеров. Причем блоки подгоняли так тщательно, что между ними невозможно было просунуть даже иголку. И это при весе каждого блока до 30 тонн! Точная подгонка и использование прочих строительных деталей придала пирамиде ту долговечность, которая удивляет нас.

Венецианские галеры

Во времена Возрождения в Венеции наладили производство кораблей из стандартных элементов.

Поступали так: в узкий прямой канал спускали корпус будущего судна.

По обеим сторонам канала раскладывали строительные материалы, корабельные снасти, словом, все необходимое. Корабль двигался по каналу, как по конвейеру, обрабатываясь рамугоном, такелажом. Потом устанавливали пушки, крепили паруса. В конце канала на корабль грузили продовольствие и запас пресной воды. Здесь же на борт поднималась команда, звалился флаг, и новая галера Венецианской республики уходила в открытое море навстречу ветрам и опасностям.

Этот метод можно назвать методом быстрого строительства судов, и он вполне обеспечивал флот Венеции торговыми и военными судами. Но позже этот способ был забыт, и долгие годы суда во всех странах строили «индивидуально». И только в тридцатые годы нашего века люди снова возродили поточное строительство судов.

Стандарт № 1 и царь Иван Васильевич

В России первый государственный стандарт ввел царь

Иван Васильевич Грозный. В то время Россия вела изнурительные войны за выход к Балтийскому морю. Армия требовала огромное количество боеприпасов. Но часто пушечные ядра оказывались больше или меньше необходимого размера, имели неровную поверхность или были не правильной формы.

Иван Грозный распорядился ввести специальные калибры — кружки, с их помощью браковывали нестандартные ядра.

Стандартизатором № 2 стал Петр I. Во время войны за Балтику, потеряв в битве под Нарвой всю свою артиллерию, Петр решил отказаться от множества типов орудий.

С тех пор в русской армии были приняты на вооружение орудия только трех видов — пушки, гаубицы и мортиры. Армия сразу стала намного боеспособнее.

Стандарты нашей жизни

По вечерам мы усталие, возвращаясь домой, Шелквет стандартный выключатель, и вспыхивает стандартная лампочка. В квартире тихо. Только в стандартных трубах водопровода журчит вода, приготавливая... по стандарту в специальных стойках.

Даже воздух, которым мы дышим, соку будет стандартизирован. Ученые говорят, что в воздухе больших городов, таких как Нью-Йорк или Рим, среднесуточная концентрация угарного газа более чем в сто раз превышает безопасную зону.

На помощь приходит стандарт. Причем не обычный, а международный, потому что чистый воздух хотят дышать все. Сейчас в СССР и других странах разрабатывают стан-

дарт на состав выхлопных газов двигателей внутреннего сгорания. Этот стандарт поможет очистить воздух больших городов от вредных примесей.

Наш заботливый друг

Без стандарта невозможно сделать даже такую простую, казалось бы, вещь, как умы-
вальныйник.

Не будь стандарта, каждый завод выпускал бы умывальныйник «на свой аршин». Один мог бы оказаться такими маленькими, что над ними пришлось бы гнуться или вставать на колени, а до других было бы даже не дотянуться с табурета. Поэтому прежде всего инженеры-конструкторы определили, каким должен быть умывальныйник, какую он должен иметь ширину и высоту, где расположить кран и источник воды.

При мытье рук мы обычно стоим совсем рядом с умывальником.

Если же вы моете лицо, то наклоняетесь; чтобы вода не попала на одежду. Чем ниже вы наклоняетесь, тем удобнее мыть лицо, но вот оказывается, что угол наклона человека, при котором он не испытывает неудобств, не превышает 50°. Поэтому инженер должен так спроектировать умывальныйник, чтобы было удобно мыться, стоя прямо и в наклонном положении. Инженер, составляющий ГОСТ, должен также подумать о том, на какой высоте расположить кран, определить объем чаши и многое, многое другое, чем мы обычно не задумываемся.

Первый межпланетный стандарт

На какие волны следует строить сверхмощные радио-

телескопы, чтобы принять голоса космоса? Вот, пожалуй, первый случай, когда земные ученые вынуждены подумать о межпланетном стандарте.

При чем здесь стандарт?

Ученые считают, что инопланетные радиостанции, если, конечно, они есть, воспользуются тем же диапазоном волн, что и земные. Дело в том, что расстояния между планетными системами чудовищно велики, и услышать радиосигнал в чистом, неискаженном виде очень трудно. Но здесь сама природа подсказывает нам волну. Ученые убедились, что повсюду во Вселенной самый распространенный элемент — водород. Длина его радиоволны 21 см. А сигналы чаще всего принимают именно на этой волне. Было решено взять для космической связи короткие волны длиной 21 см. Инопланетные радиостанции должны были бы прийти к такому же выводу. Если бы они так сделали, были бы самым настоящим межпланетным стандартом.

Унификация пробки

Автобусы, зубная паста, футбольные мячи, газетные листы — их делают такими, как обязывает стандарт. Со стандартом шутки плохи, за несоблюдение требований стандарта руководители производства могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Стандарт — это закон. Если стандарт обязывает делать только определенные изделия, то выпускает другие запрещается. В этом смысл краугольного камня стандартизации — унификации. Унифицировать — это значит из всего многообразия изделий

выбрать самые лучшие и изготавливать только их.

У каждого трактора, выпускаемого нашей промышленностью, есть топливный бак. А каждый бак имеет очень незатейливую деталь — пробку. Но оказывается, что от того, хорошо ли пробка закрывает бак от пыли, зависит долговечность двигателя.

Четыре тракторных завода страны — Липецкий, Волгоградский, Минский и Харьковский — выпускали разные пробки для баков. Все пробки, кроме харьковской, пропускали пыль, тяжели и дороги. Спрашивается, какой смысл выпускать пробки четырех типов? Никакого. Если бы они были унифицированы, то вместо четырех можно было бы использовать одну лучший тип и сделать его обязательным.

Это, на первый взгляд, малое мероприятие не только позволило бы выпускать хорошую и дешевую деталь, но и экономить ежегодно 500 тонн металла, экономить на одних пробках.

Велосипед — он же сенюксикала

Конечно, можно унифицировать не только пробки. Во всех странах техники используют, например болты и те же болты. Болт на шесть миллиметров, выкрученный из швейной машины, подойдет и к велосипеду, и к сверхзвуковому лайнеру. А нельзя ли унифицировать и остальные детали машин? О механизмах так, так, из одной машины можно было собирать другую, совершенно непохожую.

Писатели-фантасты уже рассказывают, что люди будущего станут делать из нескольких

стандартных элементов — лю-
бые вещи.

Мыслимо ли это? Не слышим ли далеко уносятся писатели на крыльях мечты?

Оказывается, уже сейчас некоторые приобшественные заводы выпускают изделия, в которых из ста деталей девяносто пять — стандартных.

Но что же заставляет нас так стремиться к унификации изделий? Объяснение напрашивается самое собой.

Разве не заманчиво после несложной перестройки превратить обыкновенный велосипед с моторчиком в пилу или садовую сенюксикалу?

И тогда каждая высокоиндустриальная вещь сразу приобретает большую ценность, ведь это уже не одна вещь, а целое «бюро добрых услуг».

Удобно и очень выгодно

Стандартизацию часто называют международным техническим языком. Возьмем обыкновенное британское лезвие. Где бы оно ни было изготовлено — в Лондоне или в Стокгольме, оно обязательно подойдет к британскому станку, сделанному в нашей стране, потому что во всех странах выпускаются лезвия по одному международному стандарту.

«Без стандартизации невозможно нормальное общение материальных культур земных народов», — говорят ученые.

Стандартизация и унификация — о них пишут в газетах инженеры. О них говорят на партийном съезде рабочие и министры.

Так будем же радоваться каждой новой унифицированной детали!

пурга

над

„карточным домиком“

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Игорь Ефимов

Рисунки В. Топкова

1

В комнате пахло горячим сургучом и дровами. Дрова лежали рядом с гудящей печкой. Пожилая женщина в валенках и платке брала полено, стражи-вала с него снег и совала в открытую дверь. Громко зашипев, полено исчезало в пламени. Другая женщина, помоложе, стояла за барьером около электроплитки. Сургуч таял, тянулся из банки за щепкой-мешалкой, и молодая с любопытством следила за коричневой лентой — когда порвется.

В углу пискнул зуммер.

Обе женщины разом подскочили к старенькому телефонному коммутатору, но молодой было ближе, она опередила и первая взяла наушники.

— Ночлегово слушает.

— Анечка, ты? — раздалось в наушниках. — Ответь директору интерната. Интернат, даю Ночлегово.

— Ночлегово? Ну, где там Зипуны? Сколько можно ждать?

— Алексей Федотыч, но я же вам говорила — не отвечают

Зипуны. Наверно, обрыв. Пурга-то какая — слышите?

Она повернула микрофон в сторону окна, за которым с воем и свистом неся снежный поток.

— Что же вы мне пургу даете слушать?! У меня здесь на третьем этаже страшнее воет. Вы мне Зипуны, Зипуны дайте!

Молодая нащупала в ряду нужный штекер, вставила его в гнездо и несколько раз нажала на кнопку вызова.

— Ну вот, опять не отвечает. — Голос ее звучал жалобно. — Наверняка обрыв. Или Новый год до сих пор празднуют.

— Хорошо он начался, этот новый год, ничего не скажешь.

— А что случилось, Алексей Федотыч?

— Ребята зипуновские ушли домой, вот что. Четверо.

— Ах, разбойники, — воскликнула пожилая. — Ах они неслухи окайянные!

— Да не они, — закричал директор интерната. — Это я! Я неслух. Говорила мне утром тетя Паня, уборщица, не пускай их, Федотыч, малые они еще да глупые. Так нет же, я все свое: пятый класс, взрослые люди, инициатива, нужно доверять. Вот и доверил. Где они теперь, эти четверо? Дошли? Нет? Успели до пурги? Сiju теперь и трясусь. И поделом мне.

— Да как же вы отпустили? За пятьдесят километров!

— Какие пятьдесят? Это по большаку пятьдесят. А они напрямки на лыжах. Там по лесной-то дороге и двадцати не будет. Они уже сколько раз так ходили.

— Тогда и сейчас дошли. Все по домам сидят. Пурга часа в два началась, не раньше. Если с утра вышли, так должны бы дойти. Вы не волнуйтесь. А моя как там у вас? Не попала-дась вам на глаза?

— Ваша нормально. Мышку вчера на елке играла. Вообще, способная. Как пурга кончится, привезем ваших на каникулы.

— Когда еще она кончится.

— Вот именно, что когда. Уж вы, Анечка, если Зипуны ответят...

— Конечно, Алексей Федотыч, конечно. Сразу же соединю.

В наушниках стихло, и снова комната наполнилась монотонным свистом ветра и гудением пламени в печке.

— Зипуновские все отчаянные, — сказала пожилая. — А хуже всех председательша ихняя, Ешкилева. Еще прошлый год с тигроловами за зверем ходила.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну». — Пожилая окинула взглядом кучу поленьев. — Запасти, что ли, тебе дров на ночь...

Она натянула ватник и вышла на улицу, но тут же, задыхаясь, влетела обратно. Все лицо ее было залеплено снегом.

— Повалил — видала! Только с крыльца сошла, ну чисто как машина налетела. Уж и не упомню такой пурги.

Молодая вздохнула и принялась запечатывать сургучом пачку заготовленных бандеролей.

Снова запищал зуммер.

— Ночлегово! Вас вызывает научный городок.

— Ой, а зачем? — всполошилась молодая.

— Не знаю. Научный городок? Говорите. Ночлегово слушает.

Незнакомый голос звучал слабо. Казалось, он устал проталкиваться сквозь щелчки, шорохи и пiski на далекой линии.

— Здравствуйте, Ночлегово. Скажите, с кем я говорю?

— С Анечкой. То есть с начальником отделения связи.

— Сейчас, Анечка, одну минуту. Я потерял вас на карте. Ага, нашел. Ночлегово. Да, вы как будто ближе всех.

— Ну, что вы. Мы, наоборот, самые дальние.

— От чего-то дальние, от чего-то ближние. «Карточный домик» знаете?

— Нет.

— Новый филиал нашего института. Километров двадцать пять к востоку от вас, такой большой зеленый дом.

— А, это где ученые живут? Я что-то слышала. Его лет пять назад строили.

— Мы с утра не можем с ним связаться. То ли радио у них отказало, то ли случилось что-нибудь. Хотели полететь, как обычно, на вертолете — ветер не дал. Послали вездеход, но и от него никаких известий. Может, вы нам поможете.

— Да как же? От нас и дороги к ним нету.

— Дорог там вообще поблизости нет. Этот корпус специально выстроен подальше от дорог.

— А если на лошадях, то сами понимаете...

— Нет, и на лошадях не надо. Но там неподалека стоит дом лесника. Вот с ним — нет ли у вас телефонной связи?

— А и правда, есть радиотелефон. Только ему зимой почти не звонят, я и забыла. Соединить вас? Я сейчас.

Штекер с мягким щелчком вошел в свое гнездо. Пожилая под села рядом и подперла голову рукой, зажав в ней третий наушник. Хотя нужды в нем не было — радиотелефон давал усиление звука через динамик.

— Странно, — сказала молодая. — Трубку сняли и молчат. Алло? Это дом лесника? Отвечьте научному городку. Алло... Алло...

— Дайте мне послушать, как они там молчат, — сказал голос из научного городка.

— Даю.

— Да, история. Пойдите-ка, а это что за звуки? Помехи на линии?

— Я тоже так сначала подумала. Но нет, таких помех я что-то не слыхала.

— Вам, Анечка, это что-нибудь напоминает?

— Да. Похоже, что собака скулит.

— Вот и мне так кажется.

— Скулит и подывает.

— Стоп. А это что было?

Молодая испуганно переглянулась с пожилой и, когда та кивнула, сказала почему-то шепотом:

— Будто стрельнул кто неподалеку...

Стало тихо.

Все трое напряженно вслушивались, и вот сквозь шорохи и потрескивания до них через километры пурги и леса донесся слабый, но явственный звук, уже не оставлявший сомнений. Выстрел. Еще один.

— Да-а... Что-то мне все это перестает нравиться.

В голосе человека из научного городка теперь звучала такая серьезная тревога и озабоченность, что молодая не решилась что-нибудь сказать.

— Анечка из Ночлегова, у меня к вам просьба. Вызывайте этого лесника каждые полчаса. Если кто-нибудь ответит, дайте знать. Хорошо?

— Обязательно.

— А мы тут пока обдумаем, что можно предпринять.

Телефон отключился. Молодая вынула штекер из гнезда, и он быстро скользя на свое место, утятиным пружинящим проводом.

— Кругом наука, наука, — вздохнула пожилая, — а с погодой справиться не могут. Вона чего вытворит. Чего хочет, то и делает.

— Молчали бы вы, Феоктистовна, насчет науки, — взорвалась молодая. — Вам операцию сделали, жизнь спасли, а вы все ворчите.

— Да, как мне черепушку открыли и опухоль выковырнули, про это ничего не скажу — чудо да и только. И не болит теперь, и не давит. А вот против погоды...

— А против погоды пока и печка помогает. Дров-то хватит ли? Мне, я вижу, придется всю ночь здесь дежурить.

— Надо бы побавить. — Пожилая поднялась, затягивая платок.

— Вас опять собьет.

— А я по стенке, по стенке. Дрова такое дело — их сколько ни запасай, лишних не будет.

Перед дверью она набрала побольше воздуха и исчезла в темных снях.

Только она вышла, зуммер запищал в третий раз.

Молодая надела наушники и сразу же заулыбалась, закричала обрадованно:

— Зипуны! Наконец-то. Что у вас там было? Почему не отвечали?

— Да оборовало над самой крышей. Мы звоним, звоним — ничего понять не можем. Только сейчас починили.

— Ну как там ребята ваши? Дошли?

— Какие ребята?

— Интернатские. Которые утром на лыжах вышли.

На другом конце замолчали, потом сказали упавшим голосом:

— Нет. Никто не приходил.

— Да может, вы не знаете? Может, они пришли и по домам сидят.

— А сколько их пошло?

— Вроде четверо.

— Значит, все. И мой вместе с ними. Нет, не пришли они — я бы знала.

Молодая оглянулась на темное, вздрагивающее под ветром окно и даже зажмурилась.

— Ой, лихо мое. Беда-то какая.

— Да уж, хуже нельзя. Давай мне интернат.

— Даю, даю... Район? Район, Ночлегово интернат вызывает... Алексей Федотыч, Зипуны ответили... Не знаю, как вам и сказать... Нет, не пришли они... А шесть лет назад, помните? Тоже двое заблудились, а ведь нашли их... Мало ли что летом... Нет, никто не пришел... Да-да, сейчас соединю... Сейчас.

2

А Килью они с самого начала не хотели брать с собой.

Дима, Димон мог бы придумать десять, двадцать, сто способов, как избавиться от Кили, и любой из них сработал бы безотказно. Но попробуй придумать что-нибудь толковое, когда тебе ставится условие, чтобы все было «честно». Если же получалось «нечестно, нехорошо», Стеша ни за что не соглашалась. Даже такая невинная вещь — запланировать выход на десять утра, а потом сделать вид, будто сговаривались на восемь, и уйти раньше, без него — даже такой пустяк вызвал у нее презрительную гримасу (нижняя губа закусена, верхняя сморщена и притянута к носу).

— Но ведь сами-то мы будем знать, что сговаривались на десять! Будем или нет? А раз будем, зная, как это называется?

И вот теперь они со своей «честностью» и «хорошостью» катили по заснеженному лесу не вдвоем, как мечтали, то есть быстро и беззаботно, а с этим тюком из vareжек, валенок и шарфов, поставленным на лыжи, с вечным отставальщиком и опаздывателем — Колькой Ешкилевым, по прозвищу Килья.

Килья начал увязываться за ними давно, еще с летних каникул. Если, например, мяч у них во время игры улетал в овраг, заросший крапивой, и Димон с Лаврушей затевали долгое препирательство, что его тут заколотил и кому доставать, откуда-то незаметно появлялся Килья, ни слова не говоря лез в овраг и вскоре появлялся с мячом в руках, со свежими волдырями по животу, щекам и коленкам, но с си-

яющими глазами. Или они опаздывали к началу сеанса в деревенский клуб и со вздохом занимали «стоячие места» среди зрителей, подпиравших стены, но вдруг кто-то махал им рукой из середины зала — это Кия вскакивал на скамейку, которую он удерживал до их прихода, лежа на ней животом и вцепившись руками и ногами. Или у Шести начинала хрипеть и задыхаться ее карманная «Селга», и она трясла ее, колотила, прижимала к уху, но все равно не могла ни слова разобрать в своих любимых театральных передачах — одни вопли и стоны, настоящий театр абсурда — кому это нужно. И опять откуда ни возьмись выныривал Кия и протягивал в потной ладони свежую батарейку к приемнику в герметическом полиэтиленовом мешочке.

Что он оставалось делать?

Они принимали его услуги, говорили «спасибо», хлопали по плечу... и через минуту забывали о его существовании.

Или старались забыть.

Потому что быть обязанным Киле — в этом им чудилось что-то унизительное. Он был младше их на год. Ниже ростом. Слабее во всем. Даже Шестин рюкзаку ему было не пронести и километр. При этом еще сказочно невезучий. Если в траве где-нибудь притаивался осколок стекла, он обязательно напарывался на него босой ногой. Если мосткам через ручей приходило время сломаться, они ждали именно того момента, когда Кия ступит на них. Стоило ему выйти в чистой рубашке, как пролетающая сорока капала точечкохонью на отягуженный воротник. Наконец, единственный раз, когда он решился принять участие в обычном развлечении своих одноклассников и сбросить из окна третьего этажа бумажную «бомбу» с водой, она взорвалась во дворе интэрната прямо у ног проходящего Алексея Федотовича, директора.

Конечно, им было жалко его. Но, во-первых, жалость — чувство тягостное, обременительное, к чему-то обязывающее; а во-вторых, никто не мог бы доказать им, что они должны принять Кию в свою компанию и дружить с ним. С какой это радости? Когда он молча глядел на них издали немигающим расширенным взглядом, будто просил о чем-то, и ждал, и надеялся, всем троим делалось так смутно и тяжело на душе, что хотелось только одного — убежать, спрятаться, отгородиться.

Даже Шеста при всех своих «хорошо — плохо» признавала, что никто не обязан выполнять эти немые взглядовые просьбы, что бы они ни означали. Поэтому, когда однажды в разгаре лета они отправились в очередной поход (так давно собирались! к Запрудному озеру за раками! с ночевкой у костра!), и уже углубившись в лес, увидели, что незванный и безмолвный Кия тащится за ними, они на секунду ошеломились от такой наглости, потом ос-

таивались, потом посмотрели назад (не почувдилось ли?), потом друг на друга, и тогда Димон, которому почему-то всегда выпадало брать на себя все тяжелые и неприятные дела, повернулся и пошел навстречу Киле.

Тот стоял и ждал его, и смотрел своим обычным простительным взглядом, но еще что-то новое было в его лице, что-то похожее на виноватую улыбку.

Эта улыбка сильно мешала Димону. Чем ближе он подходил, тем шире раздвигал плечи, грознее сутулился, шевелил бровями, надувал брюшной пресс, но ничего не помогало. Кия все так же глуповато улыбался и не двигался с места.

— Ну? — сказал Димон, останавливаясь шагов за пять, чтобы был еще запас расстояния — надвигаться и пугать. — Куда это ты собрался?

Кия молчал.

— Тебя кто-нибудь звал? Ну, говори — звали тебя или нет?

Кия молчал, краснел и улыбался.

— Так вот — поворачивай, и чтобы я тебя на этой дорожке не видел. Понял? А не то — считай до трех. Раз, два...

Кия не двигался.

Пришлось сказать «три» и попытаться использовать оставшиеся пять шагов. Димон набрал воздуха, присел, сделал страшное лицо и бросился вперед со своими плечами (в два раза шире), брюшным прессом (можно стать двумя ногами), кулаками (сорок килограммов на сидомере правым, тридцать шесть — левым). Кия только втянул голову в плечи и зажмурился.

Это было совершенно не по правилам. По правилам он должен был кинуться бегать со всех ног, в худшем случае — прокричать издали что-нибудь угрожающее или обидное и исчезнуть. Так, во всяком случае, вела себя до сих пор вся мелюзга, которую доводилось шугать Димону. А что было делать с этим, с небубагающим? Не бить же его, на самом деле.

— Вали отсюда, — нерешительно сказал Димон и толкнул Кию в плечо.

Тот послушно плюхнулся в дорожную пыль и только тогда открыл рот и выпалил одним духом, видимо, давно заготовленную фразу:

— Можно-мне-ходить-с-вами-я-умею-север-и-юг-по-мху-на-деревьях-и-вырезать-закопчен-ные-тросточки-а-ваших-мест-никому-не-скажу-режь-ножом-жги-огнем.

— Нелзя, — сказал безжалостный Димон. — С нами никому нелзя. И не лезь ты к нам больше. Будешь лезть — еще не так получишь.

Он вернулся к своим, и они все трое быстро и сосредоточенно пошли по дорожке и, лишь пройдя большую часть пути, украдкой оглянулись.

Кили не было.

Лесной туннель уходил в лесную бесконечность, и только трава, прибитая ими, медленно распрямлялась. Тут Степа вздохнула и заявила, что поступили они все-таки неважно, почти подло, на что Димон немедленно вылез и стал попытаться, кто же именно неважно поступил? Не с их ли молчаливого согласия он прогнал Килю?

Так они препарились на ходу: «Все равно нехорошо», «нет, ты скажи кто, прости скажи». «Не знаю кто, а все равно — нехорошо», пока заглядевшись на них Лавруша не въехал лицом в паучью сеть, на краю которой здоровенный паук завтракал небольшой перламутровой. Как всегда при виде живого, поедающего живое, Лавруша расстроился, и тогда те двое, оставив своего перепалку, накиннулись на него, стали доказывать, что паук полезнее бабочек, что в природе все разумно, естественный отбор, борьба видов, сам ведь собираешься сегодня пожить за счет ракообразных, да, вон уже их обиталище виднеется. Озеро беснуло за стодами.

Они сбросили рюкзаки и побежали купаться. Потом носились друг за другом по прибрежной траве.

Потом срубили в лесу две сушины для костра, да что горел всю ночь, а на мелких сухих вспыхивали чай.

Потом растелили одеяло и разделили на нем припасы — каждый кусок на три части.

В общем, они и думать забыли о чем-нибудь, кроме предстоящей ночной охоты, когда Лавруша, распахивая творост с недоделанного бутерброда, вдруг радостно закричал:

— Глядите! Глядите!

Никогда нельзя было знать заранее, что может привести Лаврушу в восторг. Поэтому Степа с Димоном, поворачивая головы, были готовы увидеть что угодно — змею, расу, лесной пожар. Что угодно, только не Килю, сидящего на коротких шагах в двадцати и глядящего на них все с той же виноватой улыбкой.

— Как в страшном сне, — сказал Димон. — Мальчик, ты чей? Что-то у тебя лицо очень знакомое.

Степа схватил его за обе руки, но Димон и не думал вставать. В наступившей тишине стало слышно, как шипит алажный мох по краю костра и гудят первые вечерние комары. Черноглазый лягушонок вылез из брусничника и запрыгал в сторону Киля.

— Ребята, ну чего вы? — не выдержал Лавруша. — Пустяк, а? Раз все равно он сам дошел. Что нам — жалко? Киля, или сюда! Слышите? Или.

— Не, мы здесь, — хрипло ответил Киля. — Мы не помешаем.

И тогда Степа с криком «эх, вы!» вскачила на ноги, подбежала к нему, за руку притянула упирающегося к костру, сунула кружку с чаем и вареное яйцо, сама усадив ялом, положила подбородок на колени и уставилась — нет, все трое теперь уставились на Димона.

Димон пожал плечами, обвел глазами вертушки сосен, прибрежных камыш, рассеянно взяв с одеяла кусок сахара, повертел перед глазами и вдруг едва заметным бasketбольным движением швырнул его тихонечко в Килю кружку. Киля слезу с руки разлетевшиеся капли и недоверчиво поглядел на остальных.

— Откуда ты знаешь? — сказал Лавруша. — Может, «они» больше любят вприкрыку.

И все, наконец, с облегчением засмеялись, просто покатались со смеху, хоть шутка того не стоила, и Киля смеялся громче и радостнее всех.

Нельзя сказать, чтобы они жалели потом, что взяли его в свою компанию.

Уже в тот вечер, когда они, дождавшись темноты, спустились к озеру, им было хорошо от мысли, что кто-то остался на месте привала. И, бродя по поясу в черной воде, высвечивая лучом фонарика расположенных из-под ног раков, приятно было время от времени поднимать голову и увидеть посреди жутковатой стены леса яркое пятно костра, поддерживаемого Килей на берегу. А вернувшись — показывать ему добычу, каждый — свою, и упиваться его восхищением. А потом утешать его дымящимися раками (неприятное дело опускания их в солевой киньток опять досталось Димону, а Лавруша на это время куда-то исчез и вернулся лишь на готовенькое). А потом учить его всем премудростям походных ночлегов и делиться с ним, с незапальным, одеялом и антикомарином «Тайга». А возвращаться после каникул в интернет, защищать его от нахальных одноклассников и утешать печалью, присланным из дома. И вообще, приятно было встречать на деревенской улице или в школьном коридоре человека, которому достаточно сказать «привет», или «ка дела, Киля?», или «ка кино пойдешь вечером?» — и он проносит от счастья.

Но бывали и такие случаи, когда Киля был им только в тягость, и они не знали, как от него избавиться, не обидев; обижать же его у них теперь просто язык не поворачивался, рука не поднималась.

А в то утро — первое утро Нового года — он им был уже вовсе ни к чему, и тащился там сзади по лыжке так, что они чувствовали себя бурлаками, волочащими груз неуклюжести, медлительности, ответственности — ведь обещали Алексею Федотовичу — ну, чисто наказание!

— Димал! Дима, не беги так... Это же невозможно, слышишь?.. разговаривать на такой скорости... — О чем тут разговаривать? — Но ведь я предупреждала тебя вчера, что задержусь... Потому что у нас спектакль — предупреждала? Что ж тут обижаться?

— Никто не обижается. — Я играла Лизу... в «Горе от ума»... Знаешь, как мне хлопало. А тебя что — дежурные не пустили? — Вот еще, выдумала. Да если б я захотела... Ага, ага! Значит, сам не хотел... И представляешь, я в одном месте ужасно перепутала. Там, где «хоть я люблю сама до смерти трушу, но как не полюбить буфетчика...» и я, вместо «Петрушу», говорю «Лаврушу». Ужас! А потом... — Вот-вот, расскажи про потом. — Про когда? — Про после спектакля. Мы же договорились — в девять идем на каток. Скажешь, тоже перепутала?

Димон, не оборачиваясь, выбрасывал слова, и каждое вылетало вместе с белым клубочком пара — направо, налево, — точь-в-точь фрегат, ведущий огонь с обоих бортов. Лыжи его ритмично стучали о наст лесной просеки. Стеша изо всех сил старалась не отставать.

— Но ведь я ждала тебя в зале. Я же не виновата, что дежурные не пустили... Конечно, это был вечер старшекласников, кого хотят, того пускают... Я сама прошла через кулисы... А потом было неудобно так сразу уйти... Мы же все вместе, у нас коллектив...

— Коллектив? Севка Зябликов — вот весь ваш коллектив. Тоже мне, Чацкий из 8 «б»!

— Димонище, это нечестно!

— Очень даже честно.

— При чем здесь Зябликов?

— А при том.

— Я с ним даже не разговаривала.

— Зато танцевала.

— Ну и что ж такого?.. Он меня пригласил, а я...

— А ты и растаяла. Конечно, восьмой класс! Артист! Да я бы этому артисту...

— Эге-гей! Ребята-а! — донеслось до них сзади.

Давно уже у них не случилось такого увлекательного выяснения отношений. Жалко было бросать. Они нехотя остановились и посмотрели назад вдоль бело-зеленых еловых стен. Там вдалеке Лавруша, выйдя на середину просеки, держал над головой лыжные палки крест-накрест.

— Ну все, — сказал Димон. — Чуяло мое сердце.

Скрещенные палки на их языке означали: «Что-то случилось, все сюда».

Они повернули и быстро пошли назад по собственному следу. Среди лыж, воткнувшихся в снег, виднелся Лавруша. Он нагнулся над лежащим Килей и что-то делал с его задранной к небу ногой.

— Как его угораздило? — спросил Димон, подъезжая. — Ведь ни одной горки не было. Обо что он споткнулся? Сам о себя?

— Там корень через лыжню. Натянут как веревка, а сверху снег. Мы все проехали, снег содрали, вот он и зацепился.

— Ну, Киля, присваиваю тебе новый титул. Теперь ты не счастливчик-бомбометатель, а лыжник-пень-колода-корчеватель. Болит-то где? Здесь? Сильно?

Киля лежал на спине и смотрел на них таким виноватым взглядом, будто его поймали на каком-то некрасивом жульничестве. Лицо его было мокро от тающего снега.

— Ну, ребята, ну что вы стоите? — сказала Стеша, отбирая у Лавруши Килину ногу. — Надо же костер. Быстро.

Пока они скидывали рюкзаки, доставали растопку, топорик и спички, раздували косте-

рок, она расшнуровала и стащила с Кили ботинок, потом носок, потом еще один, потом еще...

— Сколько их у тебя?

— А все, сколько было, — смущенно ответил Киля.

Стеша наконец стянула последний, осмотрела вспухшую лодыжку, покусала губу, нажала там, здесь — Киля терпел. Но когда она начала бинтовать, не удержался — пискнул.

— Димон, — жалобно позвала Стеша. — Помоги. Надо потуже, а он пищит.

— Чуть что — сразу Димон, да? Самый жестокий, самый безжалостный...

— А вот и нет. Просто у тебя характер твердый. Ну, Дима, пожалуйста.

Димон пожал плечами, стянул рукавицы, взялся за конец бинта, сделал страшное лицо... Киля зажмурился и открыл глаза только когда все было кончено — носки и ботинок надеты поверх повязки.

— А я и не почувствовал ничего, — протянул он с изумлением.

— Пока на спине лежишь, конечно, не почувствуешь. А ты попробуй встань на ноги. Ну что? Идти сможешь?

— Запросто. — Киля попытался даже приотпнуть забинтованной ногой. — Хоть двадцать километров.

Но его бодрости хватило ненадолго.

Димон, тащившийся теперь последним, видел, как он хромает сильнее и сильнее, как повисает всем телом на палках. Через полчаса Киля приостановился, будто бы поправить крепление, и на минуту мелькнуло его лицо, мокрое уже не от снега, а от слез.

Пришлось снова делать привал.

Лавруша извлек свой ремонтный мешочек — кусачки, проволока, шурупы, шпатель, отвертка, изолянт, плоскогубцы, гвозди, остальное — непонятно что, и принялся сколачивать Килины лыжи в одну широкую лыжину с площадкой из двух досок посередине. На площадку они привязали самый большой рюкзак так, чтобы Киля мог усесться как пассажир.

Эти самодельные наряды, эта санитарная упряжка была уже почти готова, когда Лавруша, рывшийся в своем мешочке среди непонятно чего, проворчал, что, может быть, ему наконец дадут возможность закончить работу, перестанут толпиться кругом и заслать свет.

— Какой свет? Кто тебе... — начал было Димон и осекся.

Действительно, стало очень темно. Хотя часы показывали всего два — начало третьего. Они подняли головы и тут-то, наконец, заметили ее.

Тучу.

Гигантскую.

Черную.

Затаившую почти все небо — только в конце просеки виднелась светлая полоска.

Ни слова не говоря, они поспешно посадили Киля (как тот ни упирался) на рюкзак, застегнули крепления и пошли вперед. Густой снег, будто только ждавший сигнала, повалил на них — стало еще темнее. Вскоре лыжи начали зарываться, исчезать на каждом шагу, как подводные (подснежные?) лодки. Согнутая спина Димона, тащившего Киля на буксире, сам Киля, его плечи, шапка, рюкзак — все покрылось толстой белой подушкой. Первый же порыв ветра пылью раздул ее в стороны, понес обратно вверх, бросил в лицо. Верхушки елей нагнулись все в одну сторону, от них пошел ровный шум.

— Димон! — прокричала Стеша. — Может, вернемся? Пока не поздно.

Димон остановился на минуту и оглянулся назад.

— Не-е... Назад еще дальше. Нам бы только поле проскочить, а там...

Они прошли еще сотню метров: просека кончилась. Дальше дорога шла через открытое место. Но никакой дороги в сущности уже не было. Еле заметная впадина еще некоторое время указывала им направление, потом и она растворилась среди сугробов.

— Лавруша-а-а! — крикнул Димон. — Правее забирай... На спок-у-у!

— Ее не видно-а-а! — донеслось спереди. — Как в молоке...

Дальше они брели наугад.

Ветер со свистом нелетал на них сбоку, давил, толкал, залеплял глаза снегом. Стеше иногда казалось, что на него, на этот ветер, можно облокотиться, как на стенку. Но стоило поддаться этому впечатлению, как он коварно менял направление, опора исчезала, и она чуть не падала. Лавруша тащился впереди, упрямо согнувшись, прокладывая лыжню. Не было видно ни сопки, ни полосы кустов, от которых следовало сворачивать, ни леса, оставшегося позади... Ничего. Казалось, будто от всего мира осталась лишь белая бела крутящаяся мусть, и это уже навсегда.

— Стой! — завопил вдруг Киля. — Нашел! Сюда! Чуть не проехали. Воц — глядите.

Отворачивая лица от ветра, они столпились вокруг него, вгляделись в то место, куда он в возбуждении тыкал варежкой, и тут же испустили радостный вопль.

Колея!

Свежая тракторная колея, едва занесенная снегом! Они чуть не проскочили ее в темноте.

Киля, от радости забыв про больную ногу, привстал на своих «нартax» и, дергая то одного, то другого, с сияющими глазами принимал град похвал и новых прозвищ: тракторный следопыт, открыватель дорог, проводник на прицепе, одноногий спаситель.

И действительно — по колее лыжи пошли гораздо легче.

Правда, она вела не совсем в ту сторону, куда, как им казалось, следовало идти. Но не могло же быть, чтобы трактор отправился в тайгу просто так, на прогулку. Даже если он ехал не к ним в Зипуны, то куда? Конечно же, к какому-нибудь человеческому жилью, где тракторист смог бы отдохнуть и обогреться. И прошел он совсем недавно — выпавший снег едва покрывал отпечатки гусеничных трактов. Нет, надо идти и идти по этой невесте откуда свалившейся на них тракторной тропе. Куда-то ведь она должна привести!

Через полчаса Лавруша сменил Димона в «упряжке», потом они поменялись снова, потом — еще раз.

Кругом было все так же темно и мутно.

Ветер по-прежнему давил на них, как плотная и холодная резина, обтягивая лицо, грудь, ноги. По изменившемуся шуму они догадались, что кругом опять лес, хотя самих деревьев не было видно. Закоченевшими пальцами Димон нащупал фонарик и осветил на часы. Обе стрелки, вытянувшись в прямую линию, делили циферблат пополам: шесть. Если бы невидимый трактор ехал в Зипуны, они давно должны были быть дома. А раз ни Зипунов, ни другой деревни не видно, значит...

Он решил пока не говорить остальным, но они и сами уже все поняли. Им доводилось, конечно, слушать рассказы взрослых о людях, заблудившихся зимой в тайге, но истории эти казались тогда какими-то далекими, вроде приключений из книжки. И всегда думалось: что ж он компас не взял? Или: надо было ему зарубки делать на деревьях, чтобы не возвращаться на то же место. Или: вырыл бы себе в снегу пещеру и переждал.

Что такое может случиться и с ними — это как-то не укладывалось в голову.

Но вот оно случилось, и все спасительные планы, выглядевшие такими простыми у теплого печного бока, оказались совершенно непригодными, когда кругом свистящая чернота, пальцы ног и рук будто уже отвалились — не чувствуются, плечи разламываются, колени не сгибаются... И когда единственная ниточка, связывающая тебя с миром людей и теплоты — неверная колея, ведущая неизвестно куда, да и та постепенно исчезающая под падающим снегом.

Через час они сбились в кучку и съели все, что у них нашлось: булочки от завтрака, Стешину плитку шоколада и пригоршню семечек, которую Лавруша вез своему ручному хомяку.

Разговаривать не хотелось.

Только Киля время от времени бормотал себе под нос: «Ох, из-за меня это все, верно вам говорю, из-за меня, бросьте вы меня здесь, мо-

жет, утром кто проедет и подберет». На него шикали, просили «не травить душу».

Дальше шли, не глядя на часы, не глядя по сторонам, почти механически.

Они уже были в том состоянии, когда даже думать не остается сил. Только вслушиваешься в то, что происходит внутри, в нить и жалобы всех мыщ.

«Куда! Куда вы снова взвалили на меня эту тяжесть, — будто воскинула левая нога. — Уберите ее немедленно! Я не выдержу».

И ты послушно убираешь, переносишь вес тела на правую, но и правая тут же начинает вопить, чтоб убрали, что она не железная, что хватит! И тогда переносишь на руки, повисаешь на ходу на палках, давая короткую передышку ногам. И снова: на левую, на правую, на руки. На левую... На правую... На руки...

И поверить невозможно, что где-то люди сидят в светлых комнатах. И от батарей пышет таким жаром, что кто-то может сказать «ух, жара» и стянуть свитер через голову. Что в винтернатской спальне рядами стоят кровати под синими одеялами. Такие кровати, что повалиться бы на них и лежать, лежать... То-то блаженство!

А какие мягкие кресла расставлены внизу в вестибюле.

А как хорошо в зале!

Там сейчас, наверно, сдвинули елку в сторону, чтоб не мешала показывать кино, и можно было бы усесться в ряду за проходом и сидеть, расслабившись, никуда не брести, не сжиматься от холода, не нащупывать онемевшими ногами узкую полоску твердой колен, которая...

Лавруша, шедший впереди, едва успел за тормозить.

Лужи его проехали немного по инерции и уперлись в какую-то темную громаду, выросшую внезапно из снежной свистопляски.

— Ребята! — завопил он что было сил. — Скорее! Здесь трактор! Я чуть не врезался.

Но нет — на трактор это было мало похоже.

Скорее — на танк. Только без башни и без пушки.

Остальные бросились вперед так, будто спешили на поезд, который мог вот-вот уйти.

— Вездеход! Ясное дело, это вездеход, — прокричал подоспевший Димон.

Он сбросил с плеча буксирную веревку, отступнул лужи и взобрался на левую гусеницу. Луч фонарика скользнул по заснеженным стеклам кабины, лязгнула железная дверца.

Трое внизу ждали, затаив дыхание.

Потом светлое пятно появилось снова и до них донесся упавший голос Димона:

— Никого... Пусто.

Тут же ветер, будто набрав новые силы, завывал еще сильнее, еще гуще наполнялся снегом и понес его засыпать, сглаживать, топтать цепочку оставленных ими следов.

4

— Но не мог же он сам! Сам захватить сюда.

— Почему не мог? А если он с телеводителем? Управляется по радио, очень просто. Телекамера показывает, что впереди, перед фарами, оператор сидит себе за сто километров у пульта и управляет. Как луноход — видала?

— А где же у него телекамера? Или этот — телеводитель? Ну где?

— Не знаю. Может, вот здесь?

— Не-е, это ящик для инструментов.

— Лавруша, попробуй все же — нажми какую-нибудь педаль.

— Ты что?

— Мотороллер же ты умеешь водить.

— Сравнил тоже.

— Вездеход, конечно, труднее, зато правил никаких не нужно. Развернулся бы и пошел-поехал.

— Говорят тебе — мотор не завести. Зажигание — вот оно, а ключа нет.

— Да, хорошо бы на таком въехать в деревню. Шикарно.

— Перестаньте. Если все начнут разъезжать на оставленных вездеходах, знаете, что получится?

Киля вдруг засопел, потянулся вниз, просунул руку между сиденьем и дверцей и поднял с пола какой-то предмет. В луче фонаря мелькнули крупно напечатанные цифры: 1877.

— Что ты мне тычешь? — спросил Димон. — Сигарет не видел? Обыкновенная пачка «Шипки».

— А ты? — Лавруша протянул к пачке руку. — Ты видел когда-нибудь курящего телеводителя?

Ребята затихли.

Вой ветра за окнами кабины из монотонного сделался зловещим. Неясное предчувствие беды повисло в воздухе.

— Может, он где-нибудь недалеко, — тихо сказала Стеша. — Никакой не «теле», а настоящий — живой. Может, лежит сейчас в снегу и замерзает.

— Если недалеко — почему же он тогда не вернулся? Включил бы мотор, отопление и согрелся.

— Мало ли что могло случиться. Провалился в яму. Ногу подвернул, как Киля. Придавило упавшим деревом. Я не знаю, но может быть...

— Что?

— Может, все-таки пойти поискать?

Никто ей не ответил.

Вылезать снова наружу — об этом и думать не хотелось. Кабина тоже успела промерзнуть, но в ней хоть не дуло. Одно из стекол ослабло под снежным напором и теперь отъезжалось на каждый новый удар жалобным дребезжанием.

Димон наконец не выдержал — вздохнул и полез к выходу.

— Только не отходи далеко. — Стеша придержала его за полушубок. — Покричи немного и сразу возвращайся.

Казалось, она сама уже была не рада, что завела разговор по поиски.

— Ладно, — отмахнулся Димон. — Держи вот спички. Будешь зажигать их по одной. Вместо маяка.

Снежный бурун ворвался в приоткрывшуюся дверцу. Заслонившись локтем, Димон нырнул в него, как в воду, и исчез. Два раза до них слабо донесся его голос, мелькнул луч фонаря, потом все пропало.

Стеша чиркнула спичкой. Огонек осветил приборы, зажмурившегося Килю, цветную картинку, наклеенную рядом со спидометром, — бегун с факелом в руке. Спичка горела, постепенно выгибая из пламени головку на черной шее, и Стеша держала ее, сколько хватило сил терпеть. Будто ее обожженный палец мог кому-то помочь.

— Киля, ты чего? — тихо спросил Лавруша.

— Чего?

— Сопишь как-то жалобно. Нога болит?

— Не.

— А что тогда?

— Мать жалко. Извелась, поди.

— А моя, думаешь, нет? Твоя-то смелая, виду не покажет. А моя небось молиться уже начала. Если я заболела или что, она сразу — бух рядом с бабкой на колени. И крестятся, и бормочут, и лбом в пол стучат. Ужас...

Стеша успела сжечь полкоробка, прежде чем они услышали ляг дверной ручки и облепленный снегом Димон ввалился в кабину.

— Ребята... там... внизу... — голос его дрожал от еле сдерживаемого ликования. — Только, чур, спокойно... На пол не падать... Сознания не терять...

— Ну, что?

— Говори!

— Водителя нашел?

— Нет!

— Дорога? Шоosse?

— Да не томи!..

— Там... — Димон для пушего эффекта сделал торжественную паузу, потом вдруг нагнулся Киле и Лавруше козырьки шапок на глаза и заорал во все горло: — Там дом! Слышите — до-о-о-ом! Настоящий! Трехэтажный! И окна!.. Светятся!..

Их будто подбросило.

Даваясь в дверях и тузя друг друга, они посыпались вниз, подхватили валявшиеся лыжи и палки и поперлись вслед за Димоном напрямик через снежную целину. Даже Киля забыл про боль в ноге и отталкивал протянутые руки — сам, сам! Ни жуткий вой, ни чернота, ни ветер, хлещущий по лицу, как прутья, не казались больше страшными, раз близости была такая великая, такая прекрасная, такая обычно не замечаемая вещь — ДОМ! Человеческое жилье!

И действительно, продавшись по пояс в снег через кусты на опушке леса, они увидели внизу сквозь несущуюся муть ряд светящихся пятен. Пологий склон, уходящий в темноту, был вылизан ветром дочиasta, зато у самой подошвы намело так, что можно было провалиться по шеню.

— Вываля! Айда вплавь! — орал Лавруша, гребя по снегу руками.

— Киля, гребь брассом!

— Ой, тону!

— Сюда, ребята, здесь мелко...

— А я уже выбрался...

— И я...

— Здесь стена какая-то.

— А казалось — еще далеко.
 — Нет, это склад, наверно. Без окон.
 — Дом-то вон где.
 — Гляди — трехэтажный!
 — Куда это нас занесло?
 — Может, Ночлегово?
 — Сказал тоже. В Ночлегове и домов-то
 таких громадных нет.

— Эй, здесь какой-то окоп.
 — Откройте, пожалуйста!
 — Да она не заперта.
 — Вали, ребята!

Дверь распахнулась, плеснула им в лицо ярким светом, и такие вот полуослепленные, полужадохнувшиеся, полужакоченевшие они ввалились в дом, в комнату, в зал — не понять было сначала, что это такое, но главное — тепло.

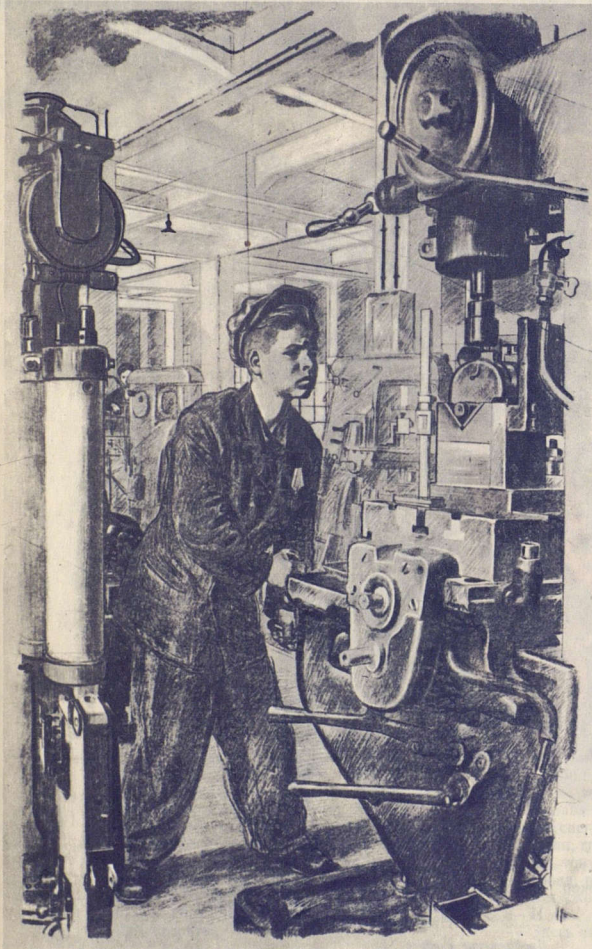

— Тропинка засыпанная, а не окоп.
 — И дверь в конце.
 — Стучи, Димон!

— Здравствуйте! — сказала Стеша, приоткрывая один глаз. — Можно войти?
 Никто ей не ответил.

Продолжение следует

ИСТОРИЯ ДВУХ РИСУНКОВ

В летние дни он подъезжал к заводу на самокате, отталкиваясь от асфальта одной ногой.

А потом наступила голодная зима, зима 1941 года...

В веселое довоенное время на заводе делали полиграфические машины. С помощью тех машин печатали журналы, детские и взрослые книги.

Но началась война, и завод стал выпускать пулеметы.

Из плохого, неточно сделанного пулемета врага не убьешь, он не выстрелит. Потому каждую деталь, каждый узел мог делать лишь человек внимательный, аккуратный, с умелыми опытными руками, с точным глазомером.

Таким человеком был Василий Васильевич.

А Василию Васильевичу было четырнадцать лет, это он приезжал на работу на самокате, а на ремне носил пустую игрушечную кобурку.

До войны у него умерла мать, в схватке на границе погиб отец. Василий Васильевич учился в ПТУ, тогда его называли ремесленным училищем.

Услышав по радио о войне, он бросился бегом в военкомат. Но взрослые строгие люди, конечно же, отправили его домой.

...Когда начальник цеха увидел тощего маленького мальчишку, он расстроился.

— Ну куда я тебя поставлю, к какому станку?

Ведь станки делали для взрослых людей, не для детского роста.

— А я подставку сделаю, я уже два ящика присмотрел.

К осени больше тысячи рабочих ушло на фронт, кто-то уехал на Урал, в эвакуацию. Осталось лишь триста изможденных людей.

А фронту требовались пулеметы. Много пулеметов, для того, чтобы заслонить Ленинград от врага.

**Автолитография,
воспроизведенная на обложке
журнала „История“ № 8,
1943 г.**

Перевести цеха на новую продукцию не так-то просто. Тут надо время, напряженный труд рабочих и инженеров.

Первый опытный пулемет был готов вечером 19 марта 1942 года.

Затем были готовы второй, третий. Потом их считали уже на десятки. «Максим-ленинградский» — так называли их в окопах.

В блокадном Ленинграде жил художник Алексей Федорович Пахомов. Ночью он дежурил на крыше своего дома.

А днем, на кухне, отогреваясь скудным теплом печки-временки, он рисовал обложку для журнала «Костер», акварели для открыток, иллюстрировал книгу военных рассказов Каверина.

Он был художником; рисунки, иллюстрации были его работой, но теперь он страдал от мысли, что в то время, когда страна истекает кровью, он занят как бы несерьезным делом — всего лишь рисует. Ему казалось, что он слишком мало делает для обороны своего города.

«Мой долг сейчас — делать плакаты», — решил он. Плакаты — это тоже оружие. Хороший плакат — это крепкий удар по врагу.

У него было мало сил, но он дошел до завода, где делали пулеметы, и принес с собою папку с чистыми листами бумаги.

Он попросил показать лучшего рабочего, чтобы нарисовать его, а потом с этого рисунка сделать плакат.

— Есть у нас лучший рабочий, — сказала начальство завода. — Каждый день перевыполняет норму в два раза. Заслуженный стахановец. Работает по шестнадцать часов вместо двенадцати. Обучил многих молодых рабочих, назначен бригадиром. А зовут этого передовика Иванов Василий Васильевич.

И художника повели по цеху между станками.

В холодном цехе работали

в ватниках, замотанные в платки пожилые женщины. Многие, отработав смену, спали тут же, в цехе, потому что идти домой не было сил, да и что там было делать — в пустом холодном доме.

— Вон там работает Василий Васильевич, — показали художнику.

У станка старательно трудился тощий парнишка в ушанке.

«Наверно, его ученик, — подумал художник, — ничего, подожду, когда вернется сам бригадир, и сразу начну его рисовать».

— А что за деталь ты делаешь на станке? — спросил художник мальчишку, чтобы не стоять просто так, — неприкаянным.

— Деталь номер восемь, — ответил мальчишка строго, даже не повернулся.

— А где же Василий Васильевич?

Мальчишка, видимо, не слышал и промолчал.

— Тебя-то как зовут? — спросил художник погромче.

— Василий Васильевич, — ответил мальчишка.

Художник пристроился между станками со своей папкой и принялся рисовать.

Оба они работали для обороны. Делая набросок, художник думал, что теперь он может уже представить и будущий плакат.

Скоро плакат был отпечатан и разослан по всей стране.

Ленинградский заслуженный рабочий с мальчишеским лицом смотрел на мальчишек московских, свердловских, горьковских, ивановских... Он призвал их овладевать заводской техникой.

Примерно в то же время на этот завод приходила выступать поэтесса Вера Инбер. О своем выступлении она оставила такую запись:

«Там работают мальчишки-ре-месленники. Они сидели тихо, слушали хорошо. Когда я кончила, ко мне на эстраду поднялся мальчик в ушанке, лучший стахановец цеха. Я спросила его, любит ли он стихи. Он ответил:

— Это же не стихи, это правда».

...Через тридцать лет художник Алексей Федорович Пахомов снова пришел на этот завод.

Завод, как ему и полагается в мирное время, делал полиграфические машины для печатания детских и взрослых книг.

— Я хочу нарисовать лучшего рабочего для выставки «Наш современник», — сказал художник.

— Есть у нас лучший рабочий, — ответило начальство завода. — Заслуженный человек. А зовут его Иванов Василий Васильевич.

Художника повели в тот же цех. И почти на том же рабочем месте он увидел Василия Васильевича.

Художник сразу узнал его. То же строгое, сосредоточенное лицо. Только поседели волосы да глазам уже требовались очки.

Евг. Сельская

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосьерева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

БОЙ У МАЯКА ОСТРОВА СУХО

Сухо — небольшой островок в южной части Ладожского озера. На острове — маяк. В октябре 1942 года фашисты, блокировавшие Ленинград, решили захватить остров: маяк на острове помогал обходить опасные камни советским кораблям, которые везли в осажденный Ленинград оружие, продовольствие и подкрепление. Тридцать фашистских кораблей с десантом подошли к острову. Гарнизон Сухо был невелик — около ста человек. Фашисты обрушили на островок лавину огня. Им отвечали орудия острова и два советских корабля — тральщик и морской охотник. Фашистам удалось все-таки высадить десант. Завязалась тяжелая рукопашная схватка.

Около часа длилось сражение. Советские моряки, собрав последние силы, бросились в контратаку.

И тогда враг побежал. Поспешно отходили десантные корабли противника. Большие штурмовать остров Сухо фашисты не решались.

МАЯК СУХО
НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ
ПОСЛЕ БОЯ

Редкая фотография из архива участника боя, командира морского охотника Н. П. Епихина, ныне капитана первого ранга в отставке.

МОРЕ

*Море — это солнечные блики,
Море — это дюны из песка,
Море — это белых чаек крики,
Уходящих плавно в облака.*

*Волны набегают, будто дети,
Тычутся в зеленый край земли.
И веселый пролетает ветер,
Подгоняя в море корабли.*

Юра Васильев,
14 лет, Рига

Мы организовали морской отряд. Собираем рисунки, фотографии кораблей. В нашей библиотеке много книг о море, кораблях и развитии кораблестроения. Читаю книги о морских путешествиях, мы прокладываем по карте пути мореплавателей. Еще мы занимаемся спортом и ходим в кружок юных радистов.

Сергей Рыбушкин, Фергана

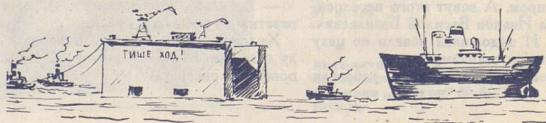
В ДОКЕ

Чтобы судно починить, почистить, покрасить заново подводную часть, — ставят его в док. Плавающий док — громадина! (Рис. 1). Док напоминает ящик с двумя

стенками и дном. На палубе дока устроена «постель» для судна — деревянные кильблоки, подставки, вырезанные по форме корпуса судна. Стенки и дно дока — двойные, внутри — цистерны. В цистерны пустят воду, док затонет, но не совсем, верхняя часть его останется на поверхности. (Рис. 2.)

Затем втягивают судно между стенок дока и выкачивают из цистерн воду. Док всплывает вместе с судном. (Рис. 3.)

Конечно, делают это не спеша, так чтобы корпус судна точно встал на кильблоки...

НАШЛИ ЖИЛИЩЕ

Французские аквалангисты подняли со дна Средиземного моря груз древнегреческого судна, погибшего во время шторма около двух тысяч лет тому назад. Груз состоял из глиняных кувшинов — амфор, наполненных в свое время вином и маслом. Теперь амфоры были пусты, но... в каждой сидело по небольшому осьминогу.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

СПАСЛИ РЫБАКОВ

Теплоход «Николай Миронов» шел рейсом из Японии в Австралию. Справа по курсу вахтенные заметили небольшую шхуну, подававшую сигнал бедствия. Капитан приказал изменить курс. Теплоход пошел к суденку. Шхуна оказалась индонезийской. Паруса ее были изорваны штормом. Несколько дней двое рыбаков на шхуне находились без воды и пищи. Советский теплоход взял шхуну на буксир и отвел в порт к острову Тимор. Рыбаки были спасены.

МОРСКИЕ ВРАКИ КЕРОСИНОВАЯ СЕЛЕДКА

В северных водах Атлантики, неподалеку от европейских берегов, там, где вода загрязнена нефтяными отбросами, появилась совершенно новая рыба — керосиновая селедка.

Ничто в тех водах не вызывает, а керосиновая селедка чувствует себя хорошо. И потомство выводит—маленьких керосиновых селедок.

В пищу употреблять, правда, эту селедку нельзя. Какая же от нее польза, спросите вы! Польза есть. Прибрежные жители употребляют керосиновую селедку для освещения. Подставят ее, сушеную, стоймя, как свечку, и зажгут с хвоста. Одной средней селедки хватает на полчаса. Поэтому и решили: керосиновую селедку ловить и отправлять в разные страны на экспорт.

Кроссворд

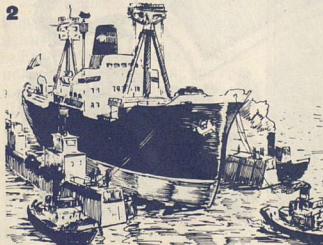
Составил читатель «Морской газеты»
Фрогов Миша (Улан-Удэ)

По вертикали: 2. снасть для подъема рей. 4. Парус на фок-мачте. 6. Трос, удерживающий мачту спереди. 7. Часть верхней палубы корабля. 9. Всякий шест. 10. Конструкция, удерживающая корабль на месте.

По горизонтали: 1. Часть радио-

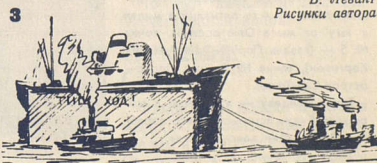
станции. 3. Отверстие в борту судна. 5. Прибор для измерения глубин. 8. Положение корабля относительно ветра. 11. Часть палубы в виде платформы, для размещения шлюпок. 12. Прибор для приема звуковых волн в воде.

Теперь можно судно чистить, можно чинить. Производить доковый ремонт. Закипит в доке работа.

А потом уйдет в плавание отремонтированное судно, а в док встанет другое.

В. Левант
Рисунки автора

Всем читателям «Костра» и «Морской газеты»!
Всем морским следопытам и юнморам!
Всем клубам юных моряков!

ВСЕМИ
ВСЕМИ
ВСЕМИ!

НАЧИНАЕМ
ПИОНЕРСКУЮ МОРСКУЮ ИГРУ

ЭКСПЕДИЦИЯ ВОКРУГ СВЕТА

(или путешествие по морям и океанам за один год)

Участники экспедиции совершат кругосветное плавание, познакомятся с океанами и морями нашей планеты, с кораблями и портами, морскими животными всех широт.

Участники игры должны знать историю русских кругосветных плаваний, иметь представление об устройстве корабля, должны уметь поддерживать связь с помощью флажного семафора и азбуки Морзе.

Победителей ожидают ценные призы и памятные подарки.

Рисунки
А. Курушина

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 1

1. Сформировать экипажи, выбрать капитана, распределить судовые роли.

(В экипаже может быть самое меньшее два человека — капитан и штурман).

2. Выбрать название корабля.

3. Составить карту своего плавания, считая пунктом отшествия и пунктом пришествия — город-порт Ленинград. Провести предварительную прокладку курса через точки рандеву: точка № 1 (в Северной Атлантике, 60° З. Д. — параллель острова Мартиника), точка № 2 (56° Ю. Ш. — меридиан мыса Горн), точка № 3 (в семидесяти милях к востоку от города Брисбен, Австралия), точка № 4 (в пятнадцати милях к югу от мыса Олиоторский), точка № 5 — (гавань Порт-о-Франс остров Кергелен), точка № 6 (мыс Лопес — остров Сан-Томе).

Точка рандеву — это место в море, где будут встречаться все корабли «Экспедиции вокруг света».

4. Получив и прочитав наше распоряжение, выслать рапорт экипажа о готовности к кругосветному плаванию и маршрут своего корабля до точки рандеву № 1.

Наш адрес: Ленинград, Таврическая, 37, «КОСТЕР», «Экспедиция вокруг света».

Валерий Воскобойников, Вадим Нечаяев

Рисунки В. Бродского

В ШТАБЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В мае 1943 года в штаб партизанского движения явился странный человек и потребовал, чтобы его отправили в командировку в партизанский отряд.

— Я должен испытать автоматическую установку для работы в тылу врага, — доказывал он.

В штабе партизанского движения его спросили:

— Вам начальство приказало или сами хотите? Командировка к партизанам — это не поездка на курорт. Стрелять хотя бы умеете?

Человек ответил, что стрелять умеет и хочет лететь сам. Лично.

— Установка создана под моим руководством, кому же ее испытывать?

Ему выдали автомат, запасной диск с патронами, три гранаты и летное обмундирование. Документы и деньги полагалось оставить дома, в партизанском отряде они не нужны.

Это был Анатолий Владимирович Горелейченко — инженер, ученый, один из создателей автоматических метеостанций. Тех станций, которые умеют самостоятельно сообщать о

погоде по радио на большие расстояния в течение многих месяцев.

РОЖДЕНИЕ УМНОГО АВТОМАТА

Автоматическая метеостанция рождалась в конце тридцатых годов.

Первая автоматическая станция сообщила о погоде в самой лаборатории в центре Ленинграда. «Температура — комнатная, ветра — нет», — выступила станция точками и тире на бумажной ленте.

— Что ж, — сказали изобретатели, — сейчас будет и ветер.

Тогда специально для станции были созданы морозы и ураганы.

Станция снова отвечала точками и тире. Теперь она передавала точные данные об искусственном морозе и искусственной буре.

Всю осень и зиму она работала под Ленинградом, вблизи города Павловска, и почти никогда не ошибалась. Ее четкие сигналы постоянно принимали на расстоянии восьмисот километров. Она имела уже собственное имя: АРМС-1, то есть автоматическая радиометеостанция-1.

А как будет работать автоматическая станция на необитаемых полярных островах, на льдинах, на вершинах обледенелых гор, в труднодоступных для людей районах?

И эту первую станцию решено было повезти в Арктику на испытания.

Но тут началась Великая Отечественная война.

СПАСЕНИЕ СТАНЦИИ

Фашистские войска через два месяца оказались под Ленинградом и подошли к Павловску. От окопов фашистов до метео-

Анатолий Владимирович
Горелейченко

станции оставалось всего два километра — такое расстояние человек может пробыть минут за десять-двенадцать.

Первый в мире автомат погоды необходимо было спасти.

Сентябрьским солнечным утром ученые выехали на грузовике к фронту. По шоссе шли воинские части, двигались танки, тракторы тащили орудия.

Фашистские самолеты бомбили дворцы города Пушкина и здания Пулковской обсерватории.

В домик-лабораторию попал снаряд. Дом искрился, осел, но станция была исправна. Ее часовой механизм работал четко.

Через час изобретатели уловили ее в Ленинград.

ПАРАШЮТ И МЕТЕОСТАНЦИЯ

Двое ученых — М. Н. Мальцев и Г. Н. Егоров — все же успели уехать в Арктику, чтобы испытать еще один образец опытной станции. Двое других — А. В. Горелейченко и Д. Я. Суражский — начали проектировать новый тип станции — парашютный.

Ведь если в тыл врага на парашютах сбросить умные станции, они автоматически станут сообщать о погоде, решили изобретатели, и тем самым помогут нашим летчикам бомбить территорию, временно занятую врагом.

Работа продолжалась даже в страшные зимние блокадные дни.

К концу года, когда Горелейченко и Суражский, как и многие ленинградцы, еле могли ходить, им было приказано с чертежами новой парашютной станции вылететь в Москву.

Только человек долго голодавший может думать, что стоит ему сытно пообедать, как он сразу побегит или, чего доброго, запрыгает.

На самом деле, после сытной еды истощенные люди часто падали прямо в госпиталь.

Так было и с Горелейченко и с Суражским. Но и в госпитале они продолжали работать над новой станцией.

...Наконец в воздух поднимается дирижабль, он делает несколько кругов, набирает высоту. В условленном месте, над лугом, сбрасывает новую опытную станцию. Станция падает, безобразно кувыркаясь. У изобретателей тоскливо замирает сердце. Но в эту секунду раскрывается парашют, и станция, теперь уже спокойно покачиваясь, приближается к земле. Вот она ударяется о грунт, сама устанавливается и по команде собственного часового механизма включает электродвигатель, выдвигает антенну и начинает передавать сведения о погоде.

Испытания изобретатели проводили раз двадцать, может быть тридцать. И обычно станция работала хорошо.

Но возник вопрос: стоит ли сбрасывать в тыл врага такие сложные и дорогие автоматы? Ведь установить станцию могут и сами партизаны.

Итак, конструкторы стали создавать упрощенный образец автоматической метеостанции. Его и решено было испытать в партизанском отряде.

Так Анатолий Владимирович Горелейченко оказался в штабе партизанского движения.

С МЕТЕОАВТОМАТОМ У ПАРТИЗАН

В назначенное время он, сугубо штатский человек, прибыл на аэродром. Он чувствовал себя неловко в военном обмундировании, снаряженный автоматом, запасным диском, тремя гранатами, флягой у пояса и в придачу вещмешком. Но старался не выдать своего смущения.

В первую ночь самолет попал в грозу, на обратном пути его обстреляли немецкие зенитки. Горючего едва хватило, чтоб дотянуть до аэродрома.

На вторую ночь штурману не удалось обнаружить посадочную площадку партизан.

Только в третью ночь под крылом самолета можно было разглядеть темные болотистые леса Белоруссии. Вот вспыхнули огни костров — ими отмечен был большой четырехугольник для посадки. Можно приземляться.

...За кустами густая темнота да длинные тени бегущих к самолету партизан. К командирскому самолету подходит энергичный человек, в потертом кожаном шлеме и брезентовой куртке, немецкий автомат небрежно висит на его плече — командир отряда майор Яхонтов. Рядом его адъютант с полевой сумкой и биноклем.

Через несколько дней ученый отпраздновал устанавливая свой метеоавтомат. В помощь ему отрядили двух партизан, смелых и хладнокровных. Каждый взорвал несколько эшелонов. Однажды они даже подготовили взрыв на полотне железной дороги, где через каждые сто метров находились дзоты и непрерывно маршировали немецкие патрули.

На рассвете партизаны повели ученого тайными тропами. В глхом заболоченном лесу открылся поляну. На ее окраине к верхушкам дерева прикрепили антенну. Установили пусковой механизм...

Спустя несколько дней из

Главного управления Гидрометеослужбы радиовали, что передатчики станции из тыла противника принимаются хорошо.

Итак, задание выполнено. Пора возвращаться в Москву, но самолет, на котором Горелейченко прилетел, взорван во время налета немецких бомбардировщиков. Инженер, как называли ученого партизаны, на время становится переводчиком. Особенно ему запомнился допрос добровольно перешедшего к партизанам француза Жана Луи, по специальности врача. За год до войны он завоевал звание чемпиона мира по стрельбе из пистолета. Фашистские оккупанты предложили ему: или концлагерь или отправка с французским легионом на восточный фронт.

— Поверьте мне, — горячо уверял Жан Луи партизан, — я мог бы использовать свои семь выстрелов, но не сделал ни одного. Вот мой парабеллум, все патроны — в обойме.

Так Жан Луи стал советским партизаном.

Вскоре приняли в отряд и Горелейченко бойцом минометного взвода. Впоследствии он напишет книгу и в ней красочно изобразит свой первый бой, когда в полночь, подавив гранатами огонь сторожевых пулеметов, партизаны ворвались в деревню, занятую гитлеровцами. Расправиться с врагами помогли тогда мальчишки. Ребята указали, где спрятался целый неприятельский взвод.

...На рассвете партизаны с военными трофеями возвратились в лес. В этом бою было уничтожено более ста неприятельских солдат и офицеров.

Позже «инженер» участвовал еще во многих операциях, и постепенно стал забывать о прежней своей жизни. Но вот из центрального штаба пришло указание направить в Москву несколько партизан, и среди них француза Жана Луи и Анатолия Горелейченко.

Как-то поздно вечером на аэродроме совершил посадку маленький биплан с красными звездами на боку. Старый зна-

комый, самолет Р-5. К его крыльям были прикреплены два фанерных ящика, похожие по форме на деревянные башмаки, их так и называли тогда «лаптями».

Пилот приказал поторопиться с погрузкой в самолет, держиваться опасно, может налететь «мессершмитт».

Ученый с сомнением взглянул на кабину — ящик из фанеры клееный, толщиной не больше пяти миллиметров. А если дно вылетит? Это же не «лапоть», а летающий гроб.

— Что раздумываешь, инженер? — сказал пилот. — Лезь в лапоть. И объяснил: «Главное, уйти от «мессера», если же он прихватит наш биплан, то лететь нам с тобой вниз без парашютов и никакая фанера, никакие болтики не спасут...»

Партизанская командировка Горелейченко закончилась удачно. В Москву он вернулся настоящим солдатом, познавшим труд войны, схватку с врагом, близость смерти и счастье победы в бою.

СТАНЦИЯ АРМС-3

В конце 1943 года советские полки очищали от врагов города, деревни и леса. И ученые получили такое распоряжение: учесть все улучшения, которые были при создании первой, довоенной, парашютной и партизанской, и сделать серию метеостанций для необитаемых островов Севера.

Новая станция называлась АРМС-3. Ее проект состоял из тысячи чертежей, содержащихся в двадцати разбухших папках. Как и самая первая станция, АРМС-3 состояла из трех главных приборов: термометр — он следил за температурой, анемометр — за скоростью ветра, а румбометр — за направлением ветра. Электромеханическое шифрующее устройство передавало результаты измерений точками и тире. Электрическую энергию хранили щелочные аккумуляторы. Сердцем станции был часовой механизм, работающий постоянно, он

включал приборы каждые шесть часов.

Чтобы защитить устройства от арктической стужи, снегов и бешеных ураганов, ученые решили укрыть механизмы в землянке или будке, вблизи радиомачты. Только органы чувств станции — термометр, анеометр и румбометр, и радиомачта с антенной должны были сопротивляться ветрам и морозам.

Такая станция имела небольшой вес и была практична.

Экспедиция из трех-четырех человек прибывала на необитаемый остров, за несколько дней собирала станцию, закрепляла радиомачту и сигналы о погоде летели по эфиру в дальние города.

Сопоставив сигналы метеостанций, автоматических и обычных, бюро погоды могло сообщить по радио свой прогноз.

Конечно, это просто напи-

сать — «группа за два-три дня на необитаемом острове собирает станцию». Каждая такая экспедиция и трудна и опасна. Об одной ученый рассказывает в своей книге.

В августе 1944 года экспедиция в составе пяти человек доставил сейнер «Кашалот» к суровому острову Ионы, отвесные берега которого обрывались в Охотском море.

Лагерь ученых расположился неподалеку от берега. Тут же лежали ящики с оборудованной станцией, продуктами. Пресная вода хранилась в трех железных бочках. Такую же станцию нужно было установить на вершине острова. Но как добираться до нее по каменной, почти вертикальной стене? Начальник экспедиции закрепил на скале канат, чтобы, держась за него, карабкаться вверх. Он никогда не унывал и любил напоминать: «После шторма всегда бывает хорошая погода».

В течение двух недель ученые переносили на вершину острова мачты, аккумуляторы, приборы. Однажды ночью разразился шторм.

«...волна ударила в скалу, огоражающую осыпь с левой стороны, и бросила на лагерь потоки воды с высоты трехэтажного дома. Вода подняла и потащила в море деревянный настил с палаткой. В ней теплая одежда, оружие, радиоприемник — все, что крайне нам необходимо», — вспоминает в своей книге Горелейченко.

Потом ученые услышали глухой стук — что-то тяжелое ударилось о камни. Это волна сбросила две железные бочки. А в каждой по двести литров пресной воды.

Радист прыгнул, пытаясь поймать бочки.

Наверное и его смысла бы волна, если бы начальник не схватил его и не распорядился: вынести все из палатки. А тут еще пошел дождь. Промокшие до нитки, подгоняемые волнами, люди тащили по скользким камням дальше от моря тяжелые мешки, ящики с продовольствием, дрова, шлюпку. Прошло несколько часов, прежде чем удалось поставить палатку и укрыться в ней от холодного пронизывающего ветра.

Солнечным утром, когда шторм еще бушевал, островитяне определили урон. Особенно серьезной была потеря двух бочек с пресной водой. Осталось тридцать литров. Радиоприемник вышел из строя, и сообщить о бедствии на Большую землю было невозможно.

Ученые не пали духом. Они экономно расходовали воду, с зарей уходили на вершину и за четыре дня успешно закончили работу. 22 сентября 1944 года с острова Ионы поступили первые сведения о температуре и давлении воздуха, направлении и скорости ветра в бурном Охотском море. Прошло несколько дней — чувство жажды стало очень сильным. Начальник, посмотрев на море, уверенно заявил:

— Завтра ждите корабль к

острову. Зыбь успокоилась, а кроме того, я только что вылил в чайник всю пресную воду.

И верно, утром радист первым увидел корабль близко от острова.

Через несколько минут вздох прочтита красная ракета, посланная островитянами, и корабль ответил им протяжным гудком. Ура! На Большой земле не забыли отважных ученых...

...Сегодня не только в Арктике работают автоматические станции. Ставят их и на ледниках Памира, и в песках Средней Азии — в разных труднодоступных районах страны.

ИЗОБРЕТАТЕЛИ НЕДОВОЛЬНЫ

Изобретатели и ученые всегда недовольны результатами своих работ.

Автоматические метеостанции АРМС-Н получают в Брюсселе золотую медаль, а ученые утверждают, что станции эти — уже вчерашний день и надо их улучшать.

На Женевском симпозиуме советский ученый-полярник Алексеев сообщил, что к 1968 году у нас было уже двести пятьдесят дрейфующих авто-

матических станций, закрепленных на льдинах.

Американский представитель тут же перебивает его:

— Вы, вероятно, хотели сказать, уважаемый коллега, — двадцать пять, а не двести пятьдесят дрейфующих станций?

— Я хотел сказать — двести пятьдесят, — повторяет Алексеев, — и это для нас очень мало.

Советские метеостанции охотно покупают многие государства. Финнам они просто необходимы, ведь в их стране тоже немало мест, где люди не могут селиться. Чехам нужны обязательно, для работы в высоких горах — Татрах.

Первую станцию — бабушку современных — ученые собирали месяцами и долго испытывали.

Третье поколение станций собирают молодые рабочие на конвейере завода и выпускают по двести пятьдесят аппаратов в год.

Пять опытных станций устанавливали сами ученые. Они взбирались вместе с ними на ледники Памира, высаживались на далекие острова. А чтобы установить двести пятьдесят новых да проверить тысячу старых станций — требуется уже дивизия специалистов. Значит, надо открывать специальные факультеты, учить недавних школьников.

В точно назначенное время в эфире слышны радиосигналы. Это на дальних необитаемых землях часовые механизмы включают автоматические устройства метеостанций. Сведения о погоде передаются отчетливо и с малой погрешностью.

— И все-таки в наших станциях необходимо кое-что исправить, улучшить, — говорят изобретатели.

И снова по вечерам в лабораториях сидят они над схемами. И снова задумывается Анатолий Владимирович Горелейченко.

Соревнуясь с пятым „Б“

И. Миролюбов

Я давно хожу понурым,
Перекрыл уже весь дом:
Где достать макулатуру?
Где достать металлолом?

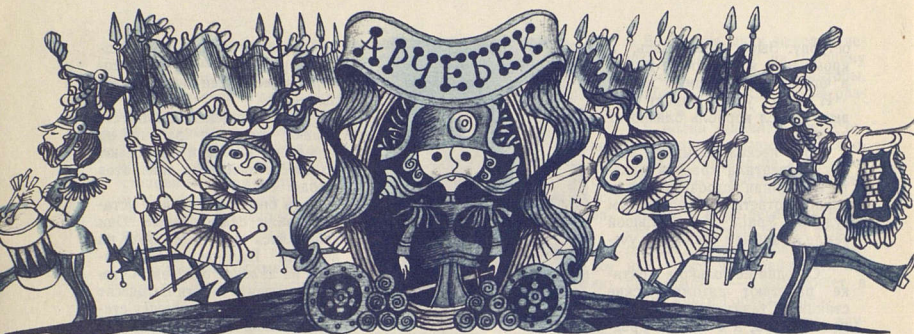
Пятый «б» нам бросил вызов,
И теперь три дня подряд
Я не ем, не сплю. Я выдох —
Так мне дома говорят.

Отвинтил у двери ручку,
Чтобы сдать в металлолом.
Получил от мамы взбучку —
Все сказали: «Поделом!»

Дома больше нет покоя
(Я и сам тому не рад).
Дома стонут: «Что такое?
Исчезает все подряд!»

Кипы книг, железок массу
Я беру ведь не себе —
Я помочь стараюсь классу,
Соревнуюсь с пятым «б».

Мне давно в таком вопросе
Быть решительным пора:
Укачу-ка я бульдозер
Из соседнего двора.

КТО ПОБЕДИТ?

Сегодня в АРЧЕБЕКЕ открывается турнир рыцарей!

Ты хочешь в нем сразиться? Хочешь одержать победу и получить диплом и приз? Хочешь стать спортсменом-разрядником? Тогда бери бумагу и перо — пиши: «Прошу включить меня...»

Принять будут: мальчики и девочки, первоклассники и десятиклассники, разрядники и новички — все, все, все!

А теперь об условиях. Турниров — два: шахматный и шашечный. Желаешь участвовать в обоих? Пожалуйста. Только рапорты присылай раздельно!

Календарь турнира: отборочный этап — с января по июль, финал — с августа по октябрь.

Разряды, дипломы, призы — все это можно завоевать в финале. А попадут в финал набравшие 40 очков (задача дает 5 очков).

Вести учет очков участники обязаны сами. В этом им поможет «Бюро самопроверки». Шахмат-адмирал Ферзьберн будет отвечать письмом тольким приславшим неверный рапорт, чтобы оказать им скорую помощь.

ИДЕТ ТУРНИР!

Задания рыцарям в первом туре. Шахматисты! Найдите мат в два хода —

А. Белые: Крf3, Фb5, Jd6; черные: Крe2, Сс1, п. с3.

Б. Белые: Крe7, Сb5, Сf4; п.с7, черные: Крb7.

Шашкисты! Найдите выигрывающую комбинацию —

А. Белые: а3, а5, с1, с5, f6, h6; черные: а7, с7, е3, f8, g3, h8.

Б. Белые: b4, d2, f2, g3, g5, h2; черные: с3, d8, е5, е7, f8, g7, h8. (Автор шашечных позиций В. Филатчев, Ленинград).

КОМИТЕТ

„ВОПРОС — ОТВЕТ!“

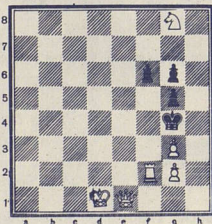
— Как следует писать рапорт?

— Рапорт — это ответ на задание. Он должен быть точным и коротким. В решении двухходовой задачи достаточно указать лишь первый ход белых. В трехходовой — первый ход белых, ответ черных, второй ход белых. Решения многоходовых задач и этюдов нужно доводить до ясности (то же и в шашечных заданиях).

Рапорт следует писать на обычной почтовой открытке и не вкладывать ее в конверт.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставлена задача неоднократного победителя турниров АРЧЕБЕКА, рыцаря из города Назарово — Сергея Орлова.

В задаче надо найти мат в 2 хода. Поскольку тут же есть объяснения, то находка эта может выручить рыцарей-новичков, не знающих, что значит решить задачу.

Решить задачу на мат в 2 хода это значит — найти за белых такой ход,

после которого ни один (даже самый лучший!) ответ черных не спасет их от мата.

Здесь таким ходом является 1. Jf5! Проверьте сами, что как бы теперь черные ни ответили, белые следующим ходом объявят мат. Этим будет доказано, что ход 1. Jf5! решает задачу.

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

(Телеграфное агентство шахматистов и шашкистов)

ТАШШ уполномочен объявить: в Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) для неумевших играть создается отряд рыцарей. За их обучение берется сам шахмат-адмирал Ферзьберн. У рыцарей — свой турнир, после которого они будут переведены в ряды доблестных рыцарей АРЧЕБЕКА.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Твое первое боевое задание такое. 1. Узнай названия и ходы фигур. 2. Узнай, что такое шах, мат, пат. 3. Поставь позицию — белые: Крb6, Фb1, п. с4; черные: Крh8. Каким ходом дается шах? Каким — мат? Какой ход приводит к пату?

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Участникам турниров рыцарей и рыцарят прислать рапорты до 1 марта.

§ 2. Все рыцари и рыцарята, уже получившие пароль в прошлом году, сохраняют его и должны указывать на открытке. Все новенькие должны писать «Пароль не получен».

§ 3. Участникам турниров рыцарей и рыцарят трижды салют!!

Шахмат-адмирал Ферзьберн

ПОЧЕМУ ТАНЦУЕТ СЛОН

Эмма Мошковская

Нет, недаром есть на свете
слон, танцующий в балете.
Он не зря пошел в балет,
и недаром все болит!

Плясать, конечно, нелегко,
и ноги плохо гнутся...
Но сколько радости зато,
когда кругом смеются!

Рисунок
А. Орлова

8

УГОЛЕК №1

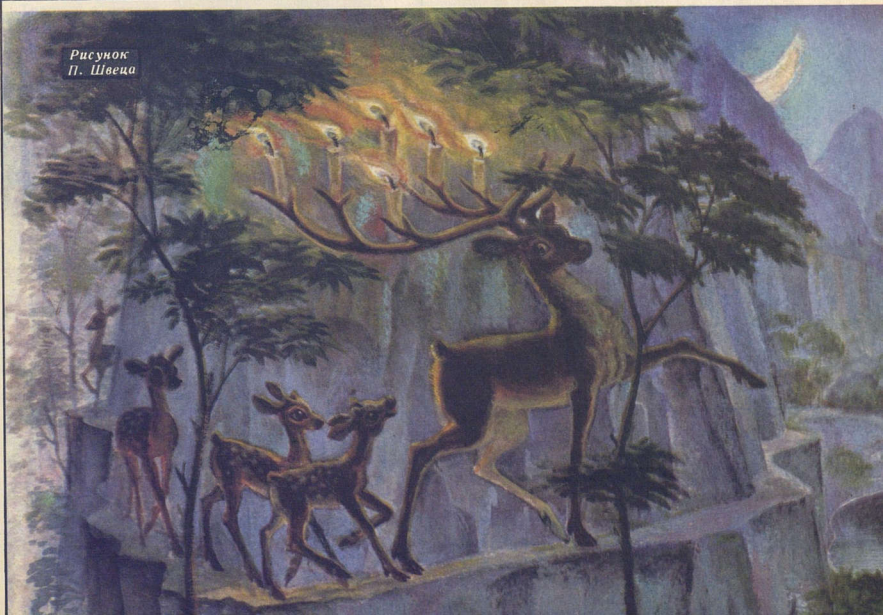

Ткала зима ковер узорный,
Рука с иглой работала проворно.
Зелеными остались только ели
И сосны.
Но метели
Уж свет зеленый их,
как лампу, потушили.
И все кусты припорошили.

Яна Кане, 3 кл.,
Ленинград

Рисунок Ю. Бочкарева

Рисунок
П. Швеца

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

На картинке
две загадки:
КТО и
С КЕМ
играет в прятки?

Рисунок Т. Капустиной

2

ЭНЫК РИСУЕТ

— Ты кого рисуешь, Энык?
— Бабушку, — ответил внук.
— Отчего же, Энык-Бенык,
На рисунке восемь рук?
— Утром бабушка сказала,
Что умаялась совсем
И что рук ей не хватает,
Чтоб управиться со всем.

РАЗМАЗНЯ

Меня никогда
На обед не варили,
И солью столовой
Меня не солили,
И ложкой меня
Не мешали в кастрюле,
И никогда
На меня не дули.
Я ведь не каша.
Зачем же меня
Петька соседский зовет:
Раз-маз-ня?

ДРАКА

Мы с мамой по тропинке шли,
Глядим: дерутся воробы.
На всю округу писк и крик:
„Чирик-чирик, чирик-чирик“.

Смотреть на этих воробьев,
Конечно, интересно,
Но по какой причине спор,
Пока нам не известно.

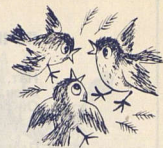

Рисунок И. Шерешевской

БУДИЛЬНИК

Будильник трезвонит
И прыгает даже,
Гудит прямо в ухо
Засоне Наташе.

Наташа спокойно
В постели лежит,
Будильник устал —
И уже не звенит.

Рисовала Якушева,
ученица 4 кл.,
г. Калининград

7

ЭНЫК-БЕНЫК РИСУЕТ

У старого сказочника, советского поэта
Овсей Дриза был маленький друг. Звали его
Энык-Бенык. Энык-Бенык — это веселый фантазер,
озорник и немножко мечтатель.

И каждый раз, когда Энык-Бенык навещал
сказочника, он рассказывал о своей очередной
выдумке, о каком-нибудь забавном случае.
А старый сказочник записывал все, о чем
рассказывал Энык-Бенык.

А может быть, Энык-Бенык был не просто
маленький мальчик, а сам Овсей Дриз, такой,
каким он был в далеком детстве: озорником,
фантазером и немножко мечтателем.

Просто старого сказочника навещало его
собственное детство.

Генрих Сапгир

РИСУНОК

— Что, Энык-Бенык,
На этой картинке?
— Видите,
Ночью
На горной тропинке
Олень к водою
Ведет оленят.

На длинных рогах его
Свечи горят.
Воняк
Сквозь ветвистый орешник
Проносит рога,
Как подсвечник,
Чтоб оленят
С дороги не сбиться.
Ведь могут они
В темноте заблудиться.

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Александр Сахаров

Рисунки Г. Ясинского

День птиц

В понедельник я был дежурным.

А на последнем уроке, на диктанте, у Шуры Копытова из-под парты вдруг воробей вылетел и летает, летает... Все повскакали с мест — не до диктанта, а Марья Петровна нахмурилась и говорит:

— Это что за воробей в классе? Копытов, иди и приведи родителей.

Шурка испугался, потому что у него отец строгий, стоит — чуть не плачет:

— Марья Петровна, ведь сегодня День птиц — вот и воробей...

— Какой еще День птиц? — спрашивает Марья Петровна.

И тогда встал председатель отряда Вова Травкин и сказал, что птицы — друзья леса и наши друзья, и потому День птиц. Марья Петровна сжалась над Шуркой и говорит:

— Ладно уж.

И мы стали дальше писать диктант, а воробей сидел на шкафу, где карты и таблицы.

После диктанта все ушли домой, а я остался в классе убирать, потому что дежурный. Здесь же Шурка сидел, ждал меня — он мой

лучший друг. Вдруг воробей слетел со шкафа и кинулся в окно — не заметил стекла.

— Давай выпустим его, — говорит Шурка.

И мы открыли тогда настежь все окна в классе и пошли домой.

На улице, как всегда, дрались воробьи, дрались, несмотря на День птиц, и Шурка сказал:

— Зря от нас на зиму ласточки улетают. Им было бы интересно присутствовать хотя бы раз на Дне всех птиц.

Мы с Шуркой надумали покормить хлебом ворон, потому что они беспризорные, но вороны все попрятались куда-то.

Дома, когда я сел за уроки, за окном повалил снег и стало темнеть. Я вспомнил воробья и открытые окна в классе.

«Снегу там сейчас, наверное, — подумал я. — Надо сбегать — окна закрыть».

Над школьным порогом горел фонарь, и сторожиха тетя Оля сказала, что окна она закрыла и никакого воробья в классе нет.

— Иди, иди домой.

А День птиц я все-таки устроил дома — коту. Я ему молока дал и котлету, а он обрадовался, съел все и лег на мамину постель, где ему быть нельзя.

Весенний щенок Мухтар

Шурку никто не уважал, потому что он толстый, и звали его Сосиской.

Однажды на перемене он говорит:

— Мне мама щенка купит — овчарку...

И все засмеялись, думали, что он врет для авторитета.

Я тоже тогда не поверил — промолчал, хотя я Шурке сочувствую из-за его толщины и Сосиской его не зову.

...Прошла осень, выпал снег.

На зоологии я спрашиваю Шурку:

— Где ж твой щенок-овчарка?

А он говорит:

— Нету пока. Щенка нужно брать весной, а не осенью — он будет здоровый тогда и понытливый. А сейчас нету...

Я глянул на Шурку и думаю: «Врет».

— Эх, ты, Сосиска, — сказал я и отвернулся.

...Весной оказалось, что все мы, кто не верил, — дураки, и я тоже. Шурке купили щенка, и он все время гулял с ним во дворе по лужам или на детской площадке, где есть бревно, чтобы тренировать Мухтара брать препятствия.

Мухтар ничего не понимал и только смотрел ласково, а Шурка ползал по бревну и прыгал через забор — объяснял щенку, что нужно делать, старался, даже похудел немного и заработал к лету две перекладинки.

Все лето я жил в деревне.

Там было очень хорошо, и весь обратный путь я горевал, что лето кончилось.

Подъехали к нашему дому, вхожу во двор... Мухтар прыгает в пыли, я его сразу узнал. А на скамейке — спиной ко мне — человек.

— Мухтар, Мухтар! — крикнул я.

Человек оглянулся на скамейке, а мне не понять — то ли Шурка это, то ли кто другой... Вроде бы Шурка, только худой, как щепка, — я испугался даже.

— Что с тобой, Шурка? Ты не заболел?

А он обрадовался, потому что я всегда ему сочувствую, и говорит:

— Да нет. Это ерунда... Из-за собаки. Я с Мухтаром измучился и боюсь, как бы не остаться на второй год. Я все лето с ним бьюсь, а он ничего не понимает, как в потемках. Нужно было все-таки осеннего щенка брать... Эх, — вздохнул он, — пойду готовиться — завтра переекзаменовка по арифметике.

Мухтар так ничему и не научился — добродушный весенний щенок, и даже кошек не гоняет. Зато Шурку теперь уважают все, и у него благородная кличка Шкилет.

Мы—я и Валька

Мы с Валькой деремся с самого раннего детства.

Как только у Вальки зубы прорезались, он меня в затылок укусил, когда я к маме полз из-под стола, — так мама говорит, я этого не помню.

Мы и потом дрались всегда и везде, где

встречались: на улице, у реки и в школе уже третий год, не переставая.

А вышло вот что.

В последний день перед каникулами в школу все пришли просто так — не учиться, а за табелями с отметками. Уроков не было; кто книжку читал, кто в окно смотрел.

Вдруг открывается дверь и входит зауч Борис Петрович. Поздоровался и говорит:

— Вот ты, — кивает на меня, — и ты, Валька, идите скорее. У меня для вас работа есть.

Оказалось, что нужно елку срубить в лесу для школы.

— Давайте поскорей, ребята, — говорит зауч, — потому что теперь темнеет рано. И я в лесничестве договорился.

Дома я надел сапоги, взял топор, спички на всякий случай и вышел за ворота Вальку ждать.

...Мы шли тихой улицей, и я думал: «Наверное, подеремся в лесу из-за елки». Не то чтоб боялся, а так. Валька посильнее меня, конечно, зато я злей.

Было холодно, и снег под ногами скрипел визгливо, как несмазанная дверь в старом сарае, и у меня стали ноги в сапогах мерзнуть. Здесь Валька говорит:

— Нужно на Масляную поляну идти — там ельник хороший.

Я промолчал, потому что все равно где драться из-за елки, а ноги и так замерзли — зря валенки не надел.

В лесу над дорогой висели клочки сена. Я сразу понял: этой дорогой в сенокос везли в деревню сено с лесных полей. Воз-то высокий — зацепит ветку, другую — вот и клочки на оснах. Их, говорят, лося едят зимой — если дотянутся, конечно.

Кончился осинник, пересекли гарь, просеку и вышли на Масляную. За поляной густо синел ельник, кое-где в белых кляксах: снег на ветвях. Вдруг шевельнулась клякса одна...

— Стой, — прошептал Валька. — Сова.

Мы стали подкрадываться к сове, потому что в книжке написано, что сова днем не видит ничего, как пенека, а вышло зря. Может это сова нам такая попалась — зрячая, или в книжке ошибка, только сова повернулась к нам лицом и смотрит внимательно, как врач — даже стыдно. Мы остановились, а она прыгнула с ветки и полетела. Ветка качается, а ее не видно — снег кругом и сова белая.

Елку мы нашли быстро и даже не спорили, потому что хорошая елка — что ж спорить? А рубить я Вальке уступил. Пусть рубит, коль хочет, да и нога у меня заточена совсем — не до елок.

Пока Валька елку рубил, я костер разжег, чтоб ногу греть. Грел, грел — без толку: надел сапог и встать не могу — ломит больно, а Валька сел на снег рядом со мной и снимает левый валенок:

— На, — говорит, — бери.

Я надел валенок, и мы пошли: впереди Валька в сапоге и в валенке, а сзади я так же — в валенке и в сапоге.

Пришли в школу в сумерках. Внесли елку в сени, а Борис Петрович увидел нас и говорит строго:

— Конечно, что елка — это хорошо. Но что за маскарад? — и смотрит на наши ноги. — Кто ж это придумал из вас?

Валька отвечает:

— Это мы вместе, Борис Петрович. Видите, у нас все поровну — и сапоги, и валенки.

Борис Петрович помолчал и рукой махнул:

— Ладно, — говорит, — а я подумал было, что вы урок хотите сорвать нелепым маскарадом.

Да какие ж уроки теперь — завтра каникулы и елка.

...Дома я натер ногу гусиным салом, да поздно. Большой палец распух, стало больно ходить. Обидно было, конечно, все каникулы хромать из-за елки, но не будь ее и мороза, мы с Валькой, наверное, до сих пор дрались бы, как бараны.

А теперь нет, и Борис Петрович говорит, что мы поумнели.

МЕТКИЙ

— Сегодня после зарядки — уборка помещения, — сказал тренер хоккеистам. — В спальне будет хозяйничать наша лучшая тройка. Ключиком ты владеешь, умеешь, — (это он Вове Соловьеву), — посмотрим, умеешь ли держать швабру.

Вова к этому делу оказался тоже привычен. Мама весь день на работе. Вот и приходится Вовке убирать квартиру, мыть посуду, бегать в магазин. И даже заниматься нехитрой кулинарией. И все это надо совмещать со школой и любимым хоккеем. Трудно ему, ох, как трудно! Но он и не жалуется: надо — значит надо. В 6-е в «пятерочниках» он не ходит, но и «тройку» считает для себя обидной оценкой. В свободное время сидит рисовать. У него уже много набросков хоккейных эпизодов. Но играть в хоккей он любит больше, чем рисовать хоккей.

Среди таких же, как и он, двенадцатилетних мальчишек, приехавших из разных концов страны в город Череповец оспаривать приз «Золотая шайба», он внешне ничем не выделяется. И у них, в воскресной команде «Снежинка», были ребята и крупнее и физически посильнее его. Но как

ДЕРЕВЯННЫЙ КРЮК

ЗОЛОТАЯ ШАЙБА

только Вова Соловьев выходил на лед Дворца спорта «Алмаз», в зоне защиты соперника начинался переполох.

Вова со своими партнерами по тройке устраивал такую карусель у ворот, что противник пасовал перед натиском этого звена. Следовал точный пас кому-либо из партнеров, снайперский бросок по воротам и — поднятые вверх клюшки. Шайба в воротах!

По итогам турнира эта тройка была признана лучшей. А обладателем приза «Меткая клюшка» стал игрок команды-чемпиона Вова Соловьев. Двадцать три раза он заставлял вратарей заниматься неприятным делом — вынимать шайбы из своих ворот. В одном только матче с командой череповецкого «Огонька» на световом табло пять раз упоминалась фамилия лучшего бомбардира чемпионата.

Биография чемпиона? Ну, какая может быть биография у человека, которого еще пять лет назад мама водила в детский сад. Впрочем, постойте, может быть, с этого момента, когда шестилетний Вова надел двухполосные коньки, а потом «снегурки», и начинается спортивный путь хоккеиста? Потом была школа, и в свободное от уроков время хоккейные по-

динки на маленьком ледяном пятчке.

В один из вечеров гоняли ребята шайбу и не заметили, что к ним подошел... настоящий тренер!

— Хотите играть в настоящий хоккей? — спросил настоящий тренер Вячеслав Дмитриевич Одинокоев.

Это был день рождения дворовой команды «Снежинка». Все хоккеисты из одной 22-й школы. И с первого же дня Вова Соловьев стал нападающим. Так определил тренер, увидев его стремительность, бесстрашие и сноровку. Капитаном ребята избрали Игоря Ларюнова из 5-го класса.

— Он у нас самый расудительный и справедливый. И учится на один пятерки!

Во Дворце спорта «Алмаз» был хоккейный праздник. Сверкающий лед, переполненные трибуны, аплодисменты зрителей. Но не только этим жили юные спортсмены. Были и хоккейные буллы. В один из дней ребята сказали: завтра с вами будет проводить тренировку почетный гость «Золотой шайбы» многократный чемпион мира и Олимпийских игр Виталий Давыдов.

На льду ребята сначала катался за Виталием Семеновичем, быстро меня направление. Очень интересно было, когда Вова вышел один на один с Давыдовым. Лучшему снайперу турнира удалось обмануть чемпиона и произвести сильный кистевой бросок. Самый неудобный для вратаря — на уровне лодыжек.

Отлично, малыш! Где научился так бросать? — спросил Давыдов.

И Вовка рассказал, как он для развития силы тренируется со штангой, как он не расстраивается с маленьким мячиком, тискал его то левой, то правой кистью. А летом, когда уезжал в пионерлагерь, брал с собой клюшку. И там, на асфальте, где бросок дается куда труднее, чем на льду, бесцельное количество раз повторял задание тренера.

Потом всем хоккеистам предстояло славить нормы ГТО. Нужно было доказывать, что ты не только умеешь хорошо кататься и бросать шайбу, но и обладаешь хорошей физической подготовкой. Друзья Вовы по команде закричали, когда судья объявил его результат в беге на 60 м — 8,8 секунды. Не спавшая Соловьев и в метании мяча (46 м), и в прыжках в длину (4 м 40 см).

После турнира мы взяли интервью у самого результативного игрока соревнований.

— Вова, это твой первый турнир?

— Нет, я выступаю в «Золотой шайбе» второй раз. В прошлом году мы были вторыми. И я был вторым — по забитым голам.

— Кроме хоккея, какими видами спорта занимаешься?

— Футболом, легкой атлетикой.

— Кто тебе нравится из знаменитых хоккеистов?

— Харламов. Он самый быстрый, умный и техничный.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Тренером по хоккею. Как наш Вячеслав Дмитриевич. На игре он строгий, но вообще он очень хороший человек. У него станешь хоккеистом.

— Чем тебе запомнился турнир в Череповце?

— Познакомился со многими смелыми ребятами.

После закрытия турнира, когда команда «Снежинка» сядила в автобус, чтобы отправиться домой, к Вове Соловьеву подошел его сверстник — череповецкий мальчишка — и попросил подарить клюшку.

Жаль было Вовке расставаться с метким деревянным крюком. Но он, добрый по натуре, отдал клюшку и сказал:

— Только она не волшебная, сама не забивает.

Виктор Кордовский

ИЗ АРХИВОВ ПИОНЕРСКОГО ПРЕСС-ЦЕНТРА

Такого в хоккее еще не было. Игру куйбышевской «Чайки» с казахстанским «Огоньком» судила... девушка. Ира Кунтюкова — студентка Лесомеханического техникума — тщательно учила технику бега на коньках, хоккейные правила. И не зря старалась — судила она хорошо.

Во время этой встречи один из игроков нарушил правила. «Кто нарушитель?», — спросил арбитр международной категории А. Захаров у Иры. — «Вон тот черноглазенький», — отвечает Ира. А Мухтар Сайдалин из Казахстана закрылся крагами и крикнул: «Тетенька, это не я!».

Ай да Мухтар!

В «Алмазе» состоялся необычный матч. На лед вышли тренеры и судьи. Судьи этот матч выиграли. Когда пионерский пресс-центр попросил поделиться впечатлениями об игре Андрея Путянина, он сказал: «Ничего играли... А судьи выиграли потому, что им судьи подсуживали».

Ребята играли в прекрасном Дворце спорта «Алмаз». Когда его построили, он долго стоял безымянным. Объявили конкурс: кто придумает лучшее имя. Победителем стал десятилетний Саша Трошков. Так «Алмаз» стал «Алмазом», а Саша целый год на игры и концерты ходил бесплатно.

В команде новокузнецкого «Рассвета» было четверо Короленко. Однофамильцы? Нет — одна семья. Папа — тренер, мама — врач, два брата — Женя и Слава — игроки.

СОДЕРЖАНИЕ

Здесь каждый камень Ленина знает	1
Ленинградский салют стихии О. Берггольц рисунки А. Пахомова . . .	2
К XXX-летию освобождения Ленинграда от блокады рисунки А. Януса	3
Добрая дорога повесть-быль М. Плюхиной рисунки А. Скодзубова . .	6
«Барабан», журнал юнкоры-авторы-составители В. Верховский и А. Питер	17
Вся власть Советам рассказ Ю. Принцева рисунки В. Орлова	22

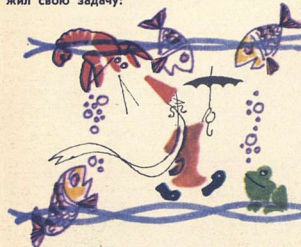
Зеленые страницы ведет писатель Н. Сладков оформление А. Януса	26
Вот так штука рисунки А. Януса	28
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	29
Наш невидимый друг очерк В. Белоусова рисунки Ю. Камкова	30
Пурга над «Карточным домиком» повесть Игоря Ефимова рисунки В. Топкова	34
История двух рисунков рассказывает Евг. Сельская	46
На обложке «Ленинградский дворец пионеров» рисунок А. Коковкина	

Морская газета	48
Экспедиция вокруг света игра	50
Внимание, погода очерк В. Воскобойникова и В. Нечаева рисунки В. Бродского	51
Арчебек шахматы и шашки	56
Уголёк журнал для малышей . . .	57
Маленькие рассказы А. Сахарова рисунки Г. Ясинского	59
Меткий деревянный крюк репортаж В. Кордовского . .	62

Однажды звездочет Хуссейн загадал своим друзьям загадку:

Скажи, о друг мой молодой,
Кто он такой: шагает над водой,
Вода над головой его, но он
При этом в воду сам не погружен?

В ответ Гном-Гастроном предложил свою задачу:

Три леди из графства Вермонт,
Имея всего один зонтик,
Гуляли втроем.
Почему под дождем
Не вымокли леди
Из графства Вермонт?

Семь парней съедают семь окуней
за семь дней.
За сколько дней пятнадцать парней
Пятнадцать съедят окуней?

Домовой Демьяша, желая показать,
что и он кое-что знает, продекламировал такие стихи:

Демьяша, Хуссейн, Сиволапч и
Гном-Гастроном обнаружили, что их
носсовые платки очень похожи. Но
все же они отличаются один от дру-
гого. Чем именно?

Составил
и оформил
В. Уфлянд

Сиволапч тоже оказался не лыком шит. Он предложил следующую задачу:

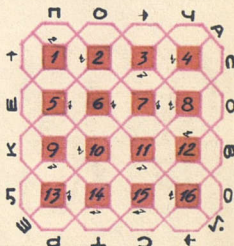
Один птицелов поймал семь щеглов.
Проходя по селу,
Шести ребятам
он подарил по щеглу.
А еще одного подарил соседке.
При этом один щегол остался
в клетке.
Как это получилось, детки?

Разгадки в следующем номере.

КРОССВОРД СОСТАВИЛ ЮРИЯ ФЕДОРОВ ИЗ ГОРОДА КЫШТЫМ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Каждое слово этого кроссворда состоит из 4 букв, начинается из клетки со стрелкой и вписывается вокруг соответствующей цифры по ходу часовой стрелки.

1. Город в Московской области.
2. Река на севере Кировской области.
3. Часть света.
4. Город в Крыму.
5. Курорт на Кавказе.
6. Город в Финляндии на берегу Ботнического залива.
7. Река на Балканском полуострове.
8. Грязевой курорт в Крыму.
9. Полуостров в Греции.
10. Приток Оки.
11. Острова у берегов Ирландии.
12. Страна, граничащая с СССР.
13. Столица европейского государства.
14. Русское мужское имя.
15. Символ, условное изображение.
16. Река — приток Волги.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12.

1. Приветствие на костюмах: «С Новым годом!»
2. Приветствие на фонариках: «Деда-Морозу горячий привет!»
3. КРОССВОРД: По горизонтали: 1. Брасс. 3. Семга. 5. Брест. 7. Корма. 8. Сетка. 12. Нота. 13. Колонок. 14. Роза. 17. Тарту. 18. Конус. 20. Орган. 22. Рояль. 23. Ангар. 27. Тоню. 28. Аверс. 29. Коала. 30. Охра. 31. Артишок. 34. Корт. 38. Бирма. 39. Гопак. 40. Артек. 41. Нетто. 42. Попов. По вертикали: 1. Бетон. 2. Слон. 3. Самбо. 4. Алеко. 5. Басу. 6. Точка. 9. Отара. 10. Тонна. 11. Сорго. 15. Суворов. 16. Ромашка. 17. Тракт. 18. Колба. 19. Синус. 21. Норма. 24. Аккра. 25. Зонит. 26. Котод. 30. Осина. 32. Роман. 33. Олово. 35. Титов. 36. Диск. 37. Карп.

Рисунки
М. Беломлинского

УРОК НЕВЕЖЕ

Рассказывают, что на камзоле Ломоносова прорвались локти. Повстречавший его придворный щеголь ехидно заметил по этому поводу:

— Ученость выглядит оттуда...
— Нисколько, сударь, — немедленно ответил Ломоносов, — глупость заглядывает туда!

СЛАБОЕ УТЕШЕНИЕ

Однажды английский король Генрих VIII повелев своему лорду-канцлеру знаменитому философу Томасу Морю вручить оскорбительное послание французскому монарху Франциску I. Томас Мор всячески оттягивал визит в Париж, справедливо полагая, что французский король может отрубить ему голову.

— Не бойтесь, — утешил его Генрих. — В таком случае я отрублю головы всем французам, проживающим в Лондоне.

— Вы очень добры, ваше величество, — возразил Томас Мор. — Но я не думаю, чтобы какая-нибудь из этих голов подошла к моим плечам.

ОДНО ИЗ ДВУХ

Славившегося своей суровостью и неподкупностью римского сенатора Катона-старшего спросили как-то:

— Разве не возмутительно, что до сих пор в Риме вам не воздвигли памятник?

— Помилуйте! — воскликнул Катон. — Я предпочитаю, чтобы говорили: «Почему не воздвигли памятник Катону?» — чем спрашивали: «Почему воздвигли памятник Катону?»

Главный редактор С. В. Сахаров
Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пактеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин,
Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребинская (зам. секретаря), В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза,
Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Технический редактор В. И. Мецатунова

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-12285. Сдано в набор 5.X 1973 г. Подписано к печати 4.XII 1973 г. Формат 60х90 1/4. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз. Заказ 1510. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном Комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.